

ЕВРОПА

СТАРЫЙ СВЕТ – НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ЕВРОПА XXI ВЕКА

Новые вызовы и риски

Под общей редакцией Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова

Старый свет – новые времена

Коллектив авторов

**Европа ХХІ века.
Новые вызовы и риски**

«Нестор-История»

2017

УДК [061.1ЕС:327]"20"
ББК 66.2(4)+66.4(4)

Коллектив авторов

Европа XXI века. Новые вызовы и риски / Коллектив авторов —
«Нестор-История», 2017 — (Старый свет – новые времена)

ISBN 978-5-4469-1253-7

Данный труд представляет собой многосторонний, междисциплинарный мониторинг современных процессов в Европе. Происходящие здесь перемены значительны; их интенсивность будет сохраняться в ближайшие годы. Объективные и субъективные события, обусловленные не только глобализацией и новым этапом научно-технической революции, но и серьезными политическими просчётами, поставили Старый Свет перед фактом глубоких социально-экономических, политических и культурных трансформаций. Адекватные ответы на поставленные историей вопросы Европа пока не нашла. В обозримом будущем России предстоит иметь дело с европейским цивилизационным пространством, испытывающим кардинальные перемены.

УДК [061.1ЕС:327]"20"
ББК 66.2(4)+66.4(4)

ISBN 978-5-4469-1253-7

© Коллектив авторов, 2017
© Нестор-История, 2017

Содержание

Введение	6
Новые страхи Европы	7
Конфигурации лидерства	10
Европа в мировом порядке	12
Раздел I	16
Глава 1. Экономическая интеграция и конвергенция	16
Теория экономического роста и практика ЕС	16
Уровни благосостояния и их количественные оценки	19
Факторы роста в различных группах стран	23
Глава 2. Социальное развитие Европы: проблемы и поиски	29
Социальное измерение европейской интеграции	31
Поиски путей к социальной интеграции	34
Оцифрованный труд и политика социального партнерства	35
Механизм социальной структуры Евросоюза	36
Новые подходы в реализации общеевропейской социальной политики	39
Перспективы Европейской социальной модели	40
Глава 3. Общественное сознание и идеологические сдвиги	43
Немного теории	43
Сдвиги в нынешнем общественном сознании: их причины и динамика	44
Исторические корни национального самосознания	45
Национальное самосознание и национализм	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Европа XXI века. Новые вызовы и риски

Под общей редакцией Ал. А. Громыко и В.П. Фёдорова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ Российской академии наук

Научный руководитель серии «Старый Свет – новые времена»:

чл. – корр. РАН Ал. А. Громыко

Редакционная коллегия серии Института Европы РАН:

чл. – корр. РАН Ал. А. Громыко (председатель), к.э.н. В. Б. Белов, д.э.н. Ю. А. Борко, д.э.н. О. В. Буторина, акад. РАН В. В. Журкин, чл. – корр. РАН М. Г. Носов, д.и.н. Ю. И. Рубинский, чл. – корр. РАН В. П. Фёдоров, д.и.н. В. Я. Швейцер

Руководитель научного проекта:

чл. – корр. РАН Ал. А. Громыко

Авторский коллектив монографии:

чл. – корр. РАН Ал. А. Громыко, акад. РАН В. В. Журкин, чл. – корр. РАН В. П. Фёдоров, чл. – корр. РАН М. Г. Носов, к.э.н. Н. М. Антюшина, к. полит. н Л. О. Бабынина, д.э.н. А. И. Бажан, к.э.н. В. Б. Белов, к. полит.н. Л. С. Биссон, д.э.н. Ю. А. Борко, д.э.н. О. В. Буторина, д. филос.н. Е. В. Водопьянова, д.и.н. А. А. Галкин, д.э.н. И. С. Гладков, к.э.н. Н. В. Говорова, д.и.н. С. Н. Гончаренко, к.э.н. К. Н. Гусев, к.э.н. Д. А. Данилов, к. пед.н. В. П. Журавель, к. филос.н. А. К. Камкин, к.и.н. П. Е. Кандель, д.и.н. М. В. Каргалова, к.э.н. Н. Б. Кондратьева, к. филос.н. Р. Н. Лукин, д. полит.н. И. Ф. Максимычев, д. полит.н. О. Ю. Потёмкина, д.и.н. Ю. И. Рубинский, д.э.н. В. С. Циреничиков, д.и.н. В. Я. Швейцер, д.и.н. Л. Н. Шишелина, к.и.н. И. Н. Щербак, В. В. Орлова (ответственный секретарь)

Рецензенты:

академик РАН Н. И. Иванова

академик РАН А. А. Кокошин

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

Введение

Умерла ли «европейская мечта»

В разгар Второй мировой войны английский экономист и государственный деятель Уильям Беверидж, один из идеологов послевоенного европейского «государства благосостояния», назвал пять «величайших зол» своего времени: нищета, невежество, нужда, болезнь и безработица. После 1945 г. государства и общества Западной Европы на основе социальной рыночной модели и механизмов представительной демократии в основном избавились от этих бед. Конечно, нужда и безработица всегда оставались проблемами для миллионов людей, как и вечно не успевающее за общественными запросами здравоохранение. Однако масштаб этих невзгод (как и их место в массовом восприятии) снизился в разы по сравнению с теми обстоятельствами, в которых пребывала Европа сразу после разгрома нацизма. «Социальный контракт» и социальная справедливость со временем стали само собой разумеющимися атрибутами жизни.

Старый Свет во второй половине XX в. никогда не представлял собой пространство полного благополучия и процветания, как и безопасности. Европа переносила различные социальные, политические, экономические кризисы, культурные революции, жила в зыбких условиях холодной войны. И все же ее послевоенное развитие в целом укладывалось в представление о линейно-прогрессивном движении, со своими зигзагами и отступлениями, но в целом с поступательным характером. Многие достижения, особенно в социальной и экономической сфере, по шаблону храпового колеса становились неизменными атрибутами жизни, воспринимались новыми поколениями как данность. Благополучие Европы, как статистическое, так и в виде образов в сознании, достигло своего пика в первой половине 2000-х гг.

Новые страхи Европы

Во втором десятилетии нового столетия, во многом по нарастающей, положение дел коренным образом стало меняться. Былые страхи Старого Света возродились в своем старом или новом обличье. С 2014 г. в первой пятерке страхов европейцев появился терроризм. С тех пор в их сознании угроза международного терроризма занимает одно из ведущих мест. Она оказалась более беспощадной и демобилизующей, чем ушедший в прошлое терроризм «красных бригад», североирландских или баскских сепаратистов. Цели и мотивы тех, доморощенных экстремистов были известны и понятны с точки зрения того, как решать проблему. И во всех трех для примера указанных случаях она была в основном решена.

С привнесенным терроризмом Европа также была знакома раньше; его источниками становились израильско-палестинский конфликт, Алжирская война и др. Но его очаги были локализованы на географической карте и известны, и они находились за пределами Европы, представляли собой внешнюю опасность. Международный терроризм также поначалу был внешним фактором угрозы безопасности Европы. Но его отличительной особенностью стало то, что со временем он превратился во внутреннее явление Старого Света, крепко спаянное с событиями в других, неевропейских регионах. В 1990-е гг. этот горький опыт на Северном Кавказе приобрела Россия, а с 2001 г. – США и Западная Европа. Терроризм теперь не виден и распылен в том смысле, что взрыв или автоматная стрельба могут раздаться где угодно и где угодно может быть нанесен удар ножом: Париж, Ницца, Брюссель, Лондон, Мадрид, Манчестер, Мюнхен, Домодедово, Курск, Берлин, Барселона и т. д. Не менее угнетает сознание европейского обывателя и то, что совершающие эти преступления – европейцы, пусть и пришедшие в первом, втором или третьем поколениях, то есть те, кто родился в Европе и вырос в ней. И это уродливое явление не сводится к извращенному толкованию какой-либо одной религии или к цвету кожи – норвежский пример Брейвика показателен.

Место на пьедестале страхов европейцев с терроризмом делит миграция, которая с 2015 г. превратилась в один из ведущих факторов политической и экономической жизни Балкан и ЕС, испытала на прочность широко декларируемую солидарность стран – участниц Евросоюза. Очевидную роль во взрывном росте неконтролируемой миграции сыграла немецкий канцлер Ангела Меркель, поначалу широко распахнувшая двери в свою страну перед миллионами страждущих с Ближнего Востока и Африки. Лишь позже к ней пришло осознание того, что Евросоюз не обладал инструментами, достаточными для эффективных действий в таких форс-мажорных обстоятельствах.

Обеспокоенность европейцев растущей миграцией стала заметно усиливаться за несколько лет до этого, превращаясь в серьезную проблему для все большего числа жителей Старого Света. Не станет исключением и 2017 г. Провалом закончилась попытка ЕС внедрить систему обязательных квот по распределению беженцев в государствах-членах. На основе противодействия этим планам более сплоченно стала действовать Вишеградская четверка (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия), жесткую позицию заняла Австрия. Балканские маршруты проникновения мигрантов в ЕС, вызвав нешуточные трения между государствами региона, были в целом перекрыты благодаря соглашению с Турцией. Однако отношения Брюсселя, Берлина, Амстердама и других европейских столиц с Анкарой настолько к настоящему времени испортились, что нет гарантий надежного его выполнения в будущем. Похоже, что ЕС окончательно упустил самую большую возможность по приращению своего геополитического веса после воссоединения Германии – прием в свои ряды Турции.

Оборотной стороной медали отказа ряда стран расселять пришедших стало удручающее положение Греции и Италии, принявших на себя основной удар миграционной волны по восточному и центральному средиземноморским маршрутам. Надежды на то, что потоки

беженцев и экономических мигрантов схлынут до предкризисных уровней, не оправдались. Пиковые значения 2015 г. – более 1 млн человек – далеки от повторения, но общая миграционная нагрузка на эти страны остается для Афин и Рима неприемлемой. В 2016 г. Европа приняла около 390 тыс. мигрантов. В 2017 г. показатели притока мигрантов стали вновь ползти вверх. Если за первые шесть месяцев 2016 г. на итальянские берега высадилось более 70 тыс. мигрантов, то за аналогичный период 2017 г. – более 85 тыс.¹ Недовольство Италии дошло до того, что Рим пригрозил запретить иностранным судам высаживать в итальянских портах мигрантов, подобранных в море, то есть пересмотреть мандат операции «Тритон», которую осуществляет агентство ЕС «Фронтекс».

За терроризмом и миграцией следует третий страх европейцев – экономические неурядицы и социальное неравенство. Экономика Евросоюза с 2012 г. показывает медленный рост, но это модель низкого роста. Инвестиции в ЕС находятся на уровне ниже исторически среднего, то есть порядка 22 % ВВП. Не решена проблема «плохих», невозвратных кредитов, хотя признаки нормализации имеются. В целом удалось справиться с задачей сокращения бюджетных дефицитов, но масштабные меры по спасению государствами своих финансовых институтов в 2008–2009 гг. привели к кризису суверенной задолженности, к резкому росту государственного долга, который в еврозоне в среднем превысил 90 % ВВП². Сегодня недостижимой мечтой является целевой показатель Пакта стабильности и роста, вступившего в силу в 1999 г., согласно которому государственный долг не должен превышать 60 % национального ВВП. Многие страны ЕС продолжают жить не по средствам. Общепринятым стало мнение о невозможности Греции когда-либо выплатить свой госдолг, который приблизился к 180 % ВВП. Экономика страны подключена к аппарату искусственного дыхания в виде внешних заимствований.

Остаются нерешенными, более того, усугубляются другие проблемы. Выступая 8 июня 2017 г. на заседании Совета управляющих Европейского центрального банка в Таллине, Марио Драги заявил, что социальное неравенство в ЕС является фактором сильной дестабилизации. Неравенство в доходах населения стран – членов еврозоны выросло со времени глобального финансового кризиса. Кроме того, наблюдается увеличение дивергенции между более богатыми и менее богатыми участниками еврозоны. Именно растущее социальное расслоение и обеднение широких слоев среднего класса – причина феномена «нового популизма» и в Европе, и в США. Он же сыграл видную роль в таких явлениях, как «брекзит» и избрание Д. Трампа.

Данные Евростата свидетельствуют, что в наибольшей степени проблема неравенства проявилась на «периферии» ЕС – в Греции, Испании, Португалии. Оно увеличилось и в таких государствах, как Франция и Германия³. По абсолютным показателям неравенства в доходах в наибольшей зоне риска (доходы верхних 20 % населения превышают доходы нижних 20 % более чем в 6–8 раз) находится значительная группа стран, включающая, по нарастанию неравенства: Эстонию, Латвию, Грецию, Испанию, Болгарию, Литву и Румынию⁴.

Неизменный спутник перечисленных проблем – еще одно из «величайших зол» У. Бевериджа – безработица. В мае 2017 г. в ЕС-28 работу не имели более 19 млн человек (9,3 % трудоспособного населения)⁵. Этот показатель намного лучше антирекорда 2013 г. – 11 %,

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://migration.iom.int/docs/Monthly_Flows_Compilation_Report_No_5_June_2017_.pdf (Дата обращения: 08.08.2017).

² EU 2016. From Trends to Policies. European Political Strategy Centre. European Commission. P. 10–11, 51.

³ Europe's inequality highly destabilising, ECB's Draghi says. REUTERS, 26 June 2017. Global Trendometer / Essays on medium- and long-term global trends. Autumn 2016. Global Trends Unit. PE 573.301 – October 2016.

⁴ Eurostat. Income distribution statistics. Data extracted in February 2017.

⁵ [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment_statistics (Дата обращения: 08.08.2017).

но цифры по странам сильно различались. В самом тяжелом положении находились Греция (22,5 % безработных) и Испания (17,7 %). В категории до 25 лет положение было особенно бедственным – безработица достигла 18,9 % в еврозоне (16,9 % в ЕС-28). Ее пиковые страновые значения зарегистрированы в Греции (46,6 %), Испании (38,6 %), Италии (37 %). По общим показателям безработицы ситуация не выглядела из ряда вон выходящей. Так, в конце 2004 г. в ЕС безработица составляла 9,2 %. Но современная ее структура, отсутствие перспектив найти стабильную работу, стагнация заработной платы или ее абсолютное снижение скрывают за этими схожими цифрами намного больший протестный потенциал. Не случайно, что именно радикально настроенная молодежь со всей Европы внесла основной «вклад» в массовые беспорядки во время проведения саммита «большой двадцатки» в Гамбурге в июле 2017 г.

Невзгоды, обрушившиеся на Евросоюз с 2005 г., со времени конституционного кризиса, усилили разбалансировку управленческих механизмов в Евросоюзе. Она дает о себе знать и по сути, и по форме. В очередной раз очевидность этого проявилась 4 июля 2017 г. на пленарном заседании Европарламента в Страсбурге, на котором с докладом о результатах председательства Мальты в Европейском совете выступил ее премьер-министр Джозеф Мускат. На заседание явились порядка 30 евродепутатов из 751. Президент Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, по традиции участвовавший в мероприятиях такого формата, резко высказался по этому поводу, назвав Европарламент посмешищем и обещав больше не приходить на такие заседания. Его возмутило пренебрежение, которое евродепутаты продемонстрировали в отношении «малой страны» ЕС. Не менее резко ему ответил президент Европарламента Антонио Таяни, указавший на то, что это ЕК подотчетна ЕП, а не наоборот. На следующий день Юнкер передал Таяни письмо с извинениями.

Перепалка между руководителями двух ветвей власти в ЕС не выглядела бы так сюрреалистично, если бы отражала личные, а не институциональные проблемы в функционировании организации. Позже, комментируя эту стычку, ряд евродепутатов в оправдание провального заседания приводили аргументы в пользу того, что в порядке вещей слабое внимание к председательству малой страны ЕС. Аргумент, который лишний раз подчеркивает очевидность случившегося. Казалось бы, частный эпизод, но в действительности он говорит о разрыве между декларациями о способах принятия решений в ЕС и реалиями: в центре этого процесса стоят вес и влияние крупнейших государств-членов.

Конфигурации лидерства

С учетом раскручивающегося маховика «брекзита», ближайшее будущее Евросоюза будет зависеть от действий или бездействия, инициатив и политического лидерства в первую очередь остающейся в ЕС «большой четверки»: Германии, Франции, Италии и Испании. Именно в таком составе, получившем название «версальский формат» по месту проведения совещания, руководители этих государств встретились в марте 2017 г. «Четверка» могла бы вырасти до «пятерки», однако отношения Брюсселя и Варшавы испорчены как никогда, и теперь не только в связи с критикой в том, что Польша отходит от верховенства закона и свободы слова. Особенно недобрую память о себе оставила после себя попытка Варшавы заблокировать на саммите ЕС в марте 2017 г. продление мандата поляка Д. Туска в качестве председателя Европейского совета. Кроме того, именно Польша вместе с прибалтийскими государствами делает все возможное для торпедирования строительства новой ветки газопровода «Северный поток – 2», который принес бы Германии и другим странам бесспорные экономические выгоды. Игнорировала Польша и протесты Берлина и Вены в отношении намерений законодателей США использовать экстерриториальное применение закона для лоббирования в Европе интересов американских компаний – производителей сжиженного газа за счет поставок из России. Во время визита Д. Трампа в Польшу в июле 2017 г. власти страны громко приветствовали планы по превращению своей территории в хаб для поставок СПГ из-за океана.

Несколько важных процессов оказываются в Евросоюзе в режиме сталкивающихся друг с другом тенденций. Избрание президентом США Д. Трампа обозначило линию на дальнейшее ослабление внимания Вашингтона к европейскому «театру политических действий». Одновременно грядущий выход Британии из интеграционного объединения еще больше ослабляет влияние англо-саксонского фактора на развитие ЕС. В результате в сложной ситуации оказывается ряд стран – «младоевропейцев», вступивших в организацию в 2004 г. и позже и рассматривавших в первую очередь США и Британию как своих покровителей. Теперь же им надо либо переориентироваться на других грандов ЕС, либо продолжать полагаться на стратегическую поддержку американцев и англичан. Однако ни Вашингтон, ни Лондон в новых исторических условиях не будут уделять им столько же внимания, как в период до «брекзита» и до Трампа.

Что касается переориентации, то встает вопрос – на кого? Германия продолжает набирать вес в Евросоюзе, что станет особенно очевидным в свете вступления А. Меркель в четвертый раз в должность канцлера Германии после парламентских выборов в сентябре 2017 г. Но это не то государство, под сенью которого прибалтийские страны или Польша чувствуют себя комфортно, тем более что по ряду экономических вопросов их интересы прямо противоположны.

Франция также не выглядит как очевидный восходящий лидер. Избрание на пост президента страны Э. Макрона привело к возрождению риторики о величии Франции, о возрождении ее тандема с Германией. В реальности осуществление этих надежд будет связано не с конкретным политическим персонажем и красивыми декларациями, а с тем, сможет ли экономика страны выйти из стагнации, как будут решаться проблемы растущего государственного долга и высокой безработицы. Традиционная партийно-политическая система Франции практически ушла в прошлое, и процесс ее нового реформирования в ближайшие годы будет вносить свою долю неопределенности в развитие государства.

О перспективах лидерских качеств Италии в ЕС судить еще сложнее. Она удерживает позицию третьей по размеру экономики еврозоны, но по ряду макропоказателей и социального неблагополучия находится в тяжёлом положении. В то же время вес Италии в ЕС поддерживается на достаточно высоком уровне также благодаря тому, что ряд ключевых постов в наднациональных структурах занимают граждане этой страны, например: М. Драги – глава Европейского центрального банка, Ф. Могерини – руководитель Европейской службы внешних

действий, А. Таяни – президент Европарламента. Сможет ли Италия усилить свои позиции в ЕС, зависит и от того, как будет складываться ее внутренняя политическая повестка дня: чем закончатся парламентские выборы в 2018 г., вернется ли М. Ренци на пост премьер-министра, прорвется ли к власти на национальном уровне Движение пяти звезд и т. д.

В современных условиях Евросоюз, как никогда, заинтересован во внутреннем сплочении и эффективном распределении бремени лидерства между ведущими странами-членами. Однако на практике во многом происходят противоположные процессы. Германия продолжает осознанно или по воле обстоятельств наращивать свое влияние в ЕС; тем самым асимметрии, если не формальные, то фактические, в управленческих механизмах организации увеличиваются. Великобритания, при всей проблемности этой страны для интеграционных процессов, играла важную роль балансира в системе сдержек и противовесов внутри организации, чем часто пользовались к своей выгоде и Франция, и Германия, и «младоевропейцы». Теперь Париж и Берлин остаются друг с другом наедине. Варшава же и другие «малые» столицы вынуждены либо с удвоенной силой продвигать свое реноме самых преданных союзников США в Европе (функция этого реноме – поддержание антироссийских настроений), либо находить новые рычаги по удержанию своего политического веса в ЕС с помощью усиления различных форматов отношений, межгосударственных группировок внутри ЕС и взаимодействия между ними, например: «веймарский треугольник», Вишеградская четверка (В4), Бенилюкс, формат НБ8 (Балтийские страны и Нордические государства) и др.

Одна из причин постепенного роста евроскептических настроений в ЕС в последние десятилетия состояла в усилении роли его наднациональных структур за счет государств-членов. И здесь дилемма, которую ярко высветил мировой экономический кризис и затем кризис еврозоны, заключается в том, что для выхода из зоны системных рисков ЕС нуждается в углублении интеграции по ряду параметров: создание полноценных банковского союза, фискального союза, энергетического союза, внешней политики и политике безопасности. Другими словами, речь идет о продолжении движения в сторону превращения ЕС в федеративное образование. Это означает, что страны-члены должны и дальше передавать наверх часть своих суверенных полномочий, а значит, централизация в ЕС не может не усиливаться. Следовательно, еще острее встанет вопрос о «демократическом дефиците», об усилении власти евробюрократии, о размывании ответственности и о дальнейшем снижении популярности институтов представительной демократии на национальном уровне. Это та самая красная тряпка для быка, которая дала возможность евроскептицизму в ЕС вырасти до небывалых размеров.

Необходимо отметить, что идея о необходимости энергичных действий по модернизации европейского интеграционного проекта через его дальнейшее углубление набирала обороты в брюссельских кабинетах задолго до прихода Д. Трампа в Белый дом и до референдума по «брекзиту». Глубокие разногласия между США и ЕС проявились в 2003 г. из-за интервенции в Ирак. В годы президентства Б. Обамы, прошедшие под знаком «разворота к Азии», с новой силой обозначился отход Вашингтона от традиционных представлений о ведущем месте Европы в системе его приоритетов. При Обаме, а не Трампе завязла в американском конгрессе ратификация соглашения о транстихоокеанском партнерстве. При нем же так и не смогли далеко продвинуться переговоры о заключении партнерства трансатлантического. Уже осенью 2014 г. предвыборная программа Ж.-К. Юнкера в ходе его борьбы за пост президента Еврокомиссии включала пункт о создании «европейской армии». И все же понадобилась шоковая терапия избрания Трампа и «брекзита», чтобы идея с подоплекой Соединенных Штатов Европы (выражение слишком «токсичное» для употребления в официальном дискурсе ЕС) без обиняков вышла на свет и в виде тезиса о дальнейшей консолидации организации и солидарности его стран-членов стала усиленно продвигаться, в том числе с помощью принципа «многогостройной Европы».

Европа в мировом порядке

Саморефлексия Евросоюза на нынешнем этапе вплетена в дискуссии о судьбах «либерального международного порядка», или по-другому – о перспективах сохранения за коллективным Западом руководящих позиций в глобальном управлении. Изоляционистские ноты в политике США после избрания Д. Трампа, укрепление позиций Китая в качестве альтернативного центра мирового влияния, внутренние проблемы ЕС и «брекзит» являются столь убедительными свидетельствами фундаментальных изменений в международных отношениях, что последние получают повсеместное признание, в том числе на ведущих западных экспертных площадках либерального толка. Так, в докладе британской организации «Уилтон-парк» «Будущее либерального мирового порядка: тренды и вызовы до 2030 г.» говорится: «Внутренняя поляризация и относительное снижение влияния означают, что домашняя повестка дня ограничивает свободу действий США на мировой арене и они теряют влияние. Президент Трамп – продолжение, а не источник этого тренда»⁶.

У ЕС уже был шанс перехватить у США лидерство в рамках коллективного Запада в первой половине 2000-х гг. Об этом тогда свидетельствовали фрондерские настроения в Париже и Берлине и достаточно проработанная идейная база первенства Европы. Даже в британском политическом классе и среди британских интеллектуалов после внешнеполитического провала Т. Блэра в 2003 г. популярность идеи о превращении ЕС в автономный мировой центр влияния без привязки к США была как никогда высокой. Писали о восходе «нового века Европы», «не потому, что Европа будет управлять миром, как империя, но потому, что европейский образ действий будет принят по всему миру»⁷.

Последующие многослойные кризисы в ЕС и вокруг него, активная проамериканская позиция ряда «младоевропейцев» (государств, вступивших в ЕС в 2004 г. и позже), затухание американо-скептических настроений и в Париже, и в Берлине, и в Лондоне не позволили этим ожиданиям сбыться. Однако к 2017 г. события в мировой и региональной политике вновь поставили перед ЕС примерно те же вопросы, стали заставлять членов этого объединения вновь вернуться к идее пересмотра взаимоотношений с США. Разница состоит в том, что если раньше Вашингтон сопротивлялся этому процессу, стремясь не без успеха восстановить свое первенство в рамках коллективного Запада, то теперь он сам подталкивает Европу к большей самостоятельности, покидая территории «либерального мирового порядка».

В результате ЕС оказался на развилке: либо самому становиться вместо США во главе этого порядка, либо искать иные, нежели американский, геополитические рычаги по приращению своего влияния в мире. С учетом значительного ослабления ЕС по сравнению с ситуацией до конституционного кризиса 2005 г. и последующих перипетий, первый вариант представляется нереальным и сугубо риторическим. Его бесперспективность особенно проявляется при анализе возможностей Германии взять на себя бремя «лидера свободного мира». Даже ее наиболее сильные конкурентные преимущества могут становиться яблоком раздора, а не объединяющим фактором. Например, это касается огромного профицита торгового баланса страны, который приблизился к 300 млрд долл. В отношении к национальному ВВП это самый высокий показатель в мире. Доля потребительских расходов в ВВП сократилась в Германии до 54 % (в США – 69 %, в Британии – 65 %). С учетом того, что безработица в стране – одна из самых низких в Европе, положительное сальдо текущих операций, превышающее 8 % ВВП, ложится на торговых партнеров Германии тяжелым бременем.

⁶ *Lovering I.* Report «The future of a liberal international order: trends and challenges towards 2030». Wilton Park. Foreign & Commonwealth Office. April 2017. P. 4.

⁷ *Леонард М.* XXI век – век Европы. М.: Хранитель, 2006. С. 217.

Перед лицом складывающихся с США отношений, которые носят скорее конкурентный характер, чем комплементарный, «брекзита» и хронических проблем еврозоны ЕС не может позволить себе иного, кроме курса на проведение внутренней модернизации и налаживание взаимовыгодного сотрудничества с другими центрами силы и влияния в мире. Такими могут быть в первую очередь Китай, Россия, Турция. Пока достаточно эффективно взаимодействовать у ЕС получается только с Пекином. Ни с Москвой, ни с Анкарой Брюссель не смог в последние годы удержать отношения от обвала. Что касается задачи внутреннего обновления ЕС, то вновь встает вопрос о дилеммах его развития.

Проблема, которая по сложности своего разрешения близка к задаче по квадратуре круга, звучит для ЕС следующим образом: как совместить необходимость дальнейшего усиления коммунитарных и наднациональных начал с усилением центробежных тенденций в объединении как реакции на ослабление традиционных функций национальных государств? Согласны ли последние с тезисом, высказанным бывшим президентом ЕК М. Баррозу в 2007 г.? Тогда, в июле на пресс-конференции в Брюсселе он заявил: «У нас есть имперское измерение, но важно понимать разницу. Империи обычно создавались силой, когда из центра исходил диктат... Теперь мы имеем первую неимперскую империю. У нас 27 стран⁸, которые достигли полного согласия работать вместе и объединить свои суверенитеты»⁹. Решение большинства жителей Британии покинуть организацию показало, что дальнейший курс на «неимперскую империю» может для ЕС стать смертельным.

В связи с этим выдвигаются альтернативные точки зрения на то, как дальше развивать интеграционный проект. Разочарование в способности наднациональных структур ЕС преуспеть в этом заставляет серьезных аналитиков отказываться от традиционных нарративов. «Сейчас ЕС не способствует интеграции, а мешает ей, – пишет профессор Оксфордского университета Ян Зилонка. – ЕС выйдет из текущего кризиса сильно ослабленным. Он, вероятно, выживет, но в более скромных формах. <...> Он предполагал модель интеграции с единым институциональным центром с чрезмерными полномочиями при неадекватных легитимности и ресурсах»¹⁰. Известный своим либеральным и проевропейским кредо профессор Тимоти Гартон Эш не находит ответа на вопрос: распадается ли Европа? Он присоединяется к критике хронических болезней еврозоны и прогнозирует лишь то, что суть нового этапа, пришедшего на смену периоду «после стены» (1989–2009), можно будет определить «через одно – три десятилетия»¹¹. Одна из ведущих в Брюсселе экспертных организаций – Центр исследований европейской политики – предлагает ЕС «регруппироваться и реформироваться», признавая, что поддержание статус-кво неизбежно приведет к дальнейшей регрессии. Правда, идти вперед предлагается на основе принципа «делать лучше то же самое»: «Не существует серебряной пули для перезапуска ЕС... Уязвимость ЕС заключается в его неспособности завершить амбициозные изменения... слабость политических элит состоит в нерешительности при внесении улучшений в буксующий европейский проект...»¹²

Аргументация сторонников удержания «либерального мирового порядка», во главе с США или ЕС, все чаще сталкивается с критикой и иными подходами к анализу формирования новой модели международных отношений. Так, Дж. Мирсхаймер, реалист, рассматривающий такую модель сквозь призму баланса сил, считает, что в действительности «либеральный мировой порядок» после 1945 г. был лишь «западным мировым порядком», который Запад после распада биполярного мира попытался сделать универсальным. Развитие событий в последние

⁸ ЕС-28 сложился в 2011 г. после вступления в организацию Хорватии.

⁹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brusselsjournal.com/node/2244> (Дата обращения 08.08.2017).

¹⁰ Zielonka J. Is the EU Doomed? Polity Press. Reprinted 2016. P. VIII–XIV.

¹¹ Ash T. G. Is Europe Disintegrating? The New York Review of Books. 19 January 2017.

¹² Regroup and Reform. Ideas for a More Responsive and Effective European Union. Report of a CEPS Task Force. CEPS, Brussels, 2017. P. 3–4.

годы показало тщетность этих попыток¹³. П. Шульце, профессор Геттингенского университета, считает, что новая расстановка сил на международной арене складывается под воздействием политики Вашингтона, Москвы и Пекина и в меньшей степени Европейского союза. В результате может возникнуть полицентричный глобальный порядок¹⁴.

Профессор Ричард Саква, исследователь программы России и Евразии Королевского института международных отношений («Чатам хаус»), выдвигает тезис о формировании «третьего мирового порядка» (после биполярного и однополярного), в котором отсутствует гегемон. Переход к нему происходит посредством борьбы конкурирующих мировых порядков: с одной стороны – либеральная международная система во главе с США, с другой – нарождающийся антигегемонистский блок с участием Китая, России и ряда других государств. Р. Саква утверждает, что Евросоюзу грозит раствориться в «новом атлантизме» и потерять собственное ощущение цели и ответственности. Вместо того чтобы продвигать мирную интеграцию, опираясь на панъевропейскую платформу, пишет он, ЕС становится инструментом по созданию новых разделительных линий на континенте. Он приходит к выводу, что «Европа, рожденная после окончания холодной войны, умерла, и новой Европе, объединяющей евроатлантические и евроазиатские черты, еще предстоит родиться»¹⁵. Профессор Кентского университета Адриан Пабст считает, что после «брекзита» и победы Д. Трампа либеральный мир лежит в развалинах. С учетом триумфа патриотично настроенных лидеров в таких странах, как Индия, Россия, Япония и Филиппины, «брекзит» и Трамп олицетворяют силы глобального сопротивления правящему либеральному истеблишменту¹⁶.

Эти и многие другие точки зрения показывают, что роль Евросоюза и в целом Большой Европы в XXI в. крайне неопределенна, что оценки современного состояния дел на континенте и его будущего – столь разнообразны, что часто противоречат друг другу. В этой нестабильной и изменчивой ситуации роль политического лидерства будет чрезвычайно высокой, как и ценность способности к стратегическому мышлению. Сложившаяся в мире и в Большой Европе ситуация стимулирует государство вырабатывать новые стратегические подходы.

Специфика политического процесса в России позволяет при их внедрении не зависеть от коротких электоральных циклов, предоставляя удобный горизонт стратегического планирования. В первую очередь речь идет о политике «разворота на Восток», о крупных экономических проектах в неевропейской части России, таких как «Сила Сибири». Многообещающим может стать решение о выделении земель на Дальнем Востоке в случае его системного внедрения. Вероятно, что с учетом долговременного характера большинства вызовов безопасности российского государства, как внутренних, так и внешних, понадобятся и другие неординарные стратегические шаги, например перенос ряда столичных функций в Сибирь¹⁷.

При этом на всю обозримую перспективу геополитическая и экономическая значимость Старого Света будет определять ведущую роль европейского вектора политики России, диктовать необходимость нормализации ее отношений с наиболее влиятельными странами и организациями на континенте. Выгода от этого была бы всеобщей. Объективные процессы глобализации и серьезные политические просчеты поставили перед государствами – членами Евросоюза

¹³ См.: John J. Mearsheimer. The Tragedy of Great Power Politics (New York: Norton, 2001). Updated Edition (New York: Norton, 2014).

¹⁴ Ключевые тезисы доклада П. Шульце на конференции: An Emerging New World Order? – Building Blocs, Drivers and Perspectives. Исследовательский институт «Диалог цивилизаций». Берлин, Германия. 19 июня 2017 г.

¹⁵ Sakwa R. (2015) The Death of Europe? Continental Fates after Ukraine // International Affairs, 91 (3). P. 578–579.

¹⁶ Pabst A. Brexit, Post-liberalism and the Politics of Paradox // Telos, 2016. № 176.

¹⁷ Речь идет о необходимости развивать стратегическое мышление, не ограничиваясь рамками военной теории и практики. Именно последние традиционно являлись в истории и остаются базой стратегического мышления. Однако невоенная часть стратегического планирования приобретает в XXI в. все большее значение, во многом равносильное традиционному формату. Об эволюции стратегического мышления см.: Milevski L. The Evolution of Modern Grand Strategic Thought. Oxford University Press, 2016.

вопрос о выживании этого интеграционного объединения. Адекватный ответ на него не будет найден без стратегии воссоздания кооперационного пространства от Атлантики до Тихого океана.

* * *

Пять «величайших зол» У. Бевериджа, о которых говорилось вначале, – нищета, невежество, нужда, болезнь и безработица – во многом были изгнаны из Европы после 1945 г. На ее востоке и западе, везде по-своему, было создано социальное государство, обеспечившее определенные стандарты благосостояния, жизненные перспективы. Одни государства в этом преуспели больше, другие меньше. В 1975 г. на Совещании в Хельсинки Европа нашла в себе силы пойти дальше и взяться за построение пространства безопасности, основанного на единых подходах и принципах. С конца 1980-х и до конца 1990-х гг. это общее наследие могло воплотиться в создании общей системы безопасности от Атлантики до Тихого океана. Позже те же принципы были заложены в видении единого экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока.

В начале XXI в. казалось, что осуществление концепции Большой Европы находится в пределах досягаемости. Сегодня она отложена в долгий ящик. Несколько из величайших зол вернулись в буквальном или преображенном виде в Старый Свет. Безработица и нужда сопровождали мировой экономический кризис и его европейские вариации. Поразили Европу и нищета стратегического мышления, и просто потеря чувства самосохранения, позволившие войне вернуться сюда. Югославия, Грузия, Украина – за войны на этих территориях Европа несет ответственность. Не без ее участия насилие приобрело небывалый размах и в прилегающих регионах. На совести Европы и невежество в отношении истории, и собственного христианского и гуманистического наследия, когда массовое сознание оказалось столь податливым к зловещему искушению «новой холодной войны».

Для «европейской мечты» не все еще потеряно, но только если она не будет и дальше растаскиваться по национальным и региональным квартирам. Монополия на Европу со стороны одной из ее частей – историческая близорукость. Пусть она корни, и европейская цивилизация не переживет в своем нынешнем виде текущего столетия. Европейцы на западе и востоке Старого Света смогут прожить друг без друга, но скоро они незаметно пересекут точку невозврата, после которой ослабленная и раздробленная Европа будет долго наблюдать свой закат в тени других, более дальновидных и жизнеспособных цивилизаций.

Раздел I

Мир в эпоху потрясений

Глава 1. Экономическая интеграция и конвергенция

Современная экономическая наука исходит из того, что региональная интеграция способствует догоняющему экономическому росту относительно слабых стран-участниц и таким образом сокращает их отрыв от более преуспевающих государств. Внутри интеграционного объединения действует несколько факторов такого сближения, или конвергенции. Общее экономическое пространство облегчает трансляцию новых технологий и культуры производства, делает более рациональным распределение ресурсов – бедные страны принимают капиталы из богатых стран. Интеграция также усиливает конкуренцию и, следовательно, предпринимательскую активность на микроуровне в относительно менее развитых регионах.

Ожидания экономического роста и общего повышения уровня жизни сыграли важную роль в процессе присоединения стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) к Европейскому союзу. Такие ожидания были характерны как для их элит и широких слоев населения, так и для общественного мнения западноевропейских соседей. После длительной подготовки, в 2004 г. в ЕС вступило восемь стран ЦВЕ, в 2007 г. его полноправными членами стали Болгария и Румыния, а в 2013 г. – Хорватия.

Задача данного исследования – оценить результаты процесса экономической конвергенции стран ЦВЕ с основным составом ЕС с тем, чтобы выявить, насколько европейская интеграция влияет на процесс социально-экономической конвергенции. Методической базой служит теория долгосрочного экономического роста в ее современной интерпретации – унифицированной модели роста (*unified growth model*). Работа состоит из трех частей. В первой части положения моделей роста сопоставляются с практикой экономической политики ЕС в отношении новых государств-членов. Во второй части проводится количественный анализ результатов конвергенции среднедушевых доходов. В третьей части при помощи линейной парной регрессии оценивается взаимодействие отдельных факторов роста с уровнем душевого дохода в восточной и западной частях ЕС.

Теория экономического роста и практика ЕС

Интеграция стран ЦВЕ в хозяйственное пространство ЕС осуществлялась в контексте крупных сдвигов, происходивших, с одной стороны, в экономической теории, а с другой – в идеологии и практике макроэкономического управления. Новый взгляд на закономерности экономического развития нашел отражение в политике ЕС в отношении стран-кандидатов и в предъявленных к ним требованиях в виде копенгагенских критериев.

В экономической мысли с конца 1980-х гг. внимание ученых переключилось с проблематики экономических циклов на определение детерминант долгосрочного хозяйственного роста¹⁸. Развернутая по инициативе Ж. Делора программа Единого внутреннего рынка (ЕВР) основывалась на новой модели эндогенного роста. Ее основоположниками считают Пола Ромера и Роберта Лукаса, идеи которых были развиты и дополнены в трудах Серхио Ребело,

¹⁸ Здесь автор опирается на обзор теоретических подходов, изложенных в фундаментальной работе Дж. Мокира и Г.-И. Фотха «Экономический рост в Европе в 1700–1870 гг.: теория и фактические свидетельства». См.: *Mokyr J., Voth H.-J. Understanding growth in Europe, 1700–1870: theory and evidence / Ed. by St. Broadberry, K.H. O'Rourke. The Cambridge Economic History of Modern Europe. Vol. 1. Cambridge University Press, 2010. P. 7–42.*

Гене Гроссмана, Элханана Хелмпана, Майкла Кремера и др.¹⁹ Теория эндогенного роста раскрывала имеющиеся у общества внутренние источники экономического развития. Особую роль она отводила человеческому капиталу, технологиям и численности населения. Хотя в моделях эндогенного роста технологии считаются внешним фактором, их разработчики также признают важность условий, способствующих технологическим изменениям и их применению обществом.

В целом же создаваемая с начала 1990-х гг. унифицированная модель роста относит к его основным факторам следующие пять: демографию, институты (включая обеспечение прав собственности), человеческий капитал, технологии и культуру²⁰.

Предусмотренное программой ЕВР расширение экономического пространства и преодоление фрагментации рынков должны были создать условия для устойчивого экономического роста за счет усиления конкуренции и ускорения технологического прогресса. Предполагалось, что в большом экономическом пространстве возникнет не только временное, но и постоянное ускорение роста, а также сформируется тенденция к нивелирующему росту – уменьшающему разрыв в уровнях жизни между отдельными странами и регионами. Интеграция рынков должна была увеличивать приток капиталов в бедные страны до тех пор, пока предельные доходы на единицу капитала не сравнялись бы с более богатыми регионами²¹.

В экономической политике начавшийся после кризисов 1970-х гг. неоконсервативный сдвиг привел к смене приоритетов макроэкономической политики. Ее роль уже видели не в стабилизации экономического цикла и обеспечении полной занятости, а в разработке средне- и долгосрочной стратегии экономического роста и в решении структурных проблем. Главные усилия отныне направлялись уже не на расширение совокупного спроса, как это делалось в рамках кейнсианской модели, а на повышение нормы накопления. Наивысшей ценностью стал сам рынок, свободная конкуренция. Соответственно изменился и арсенал средств макроэкономического управления. Уменьшалась роль бюджета, социальных программ и прогрессивного налогообложения. Повышалась роль денежно-кредитной и валютной политики, которые должны были обеспечить среднесрочную стабильность национальной валюты. Росло значение промышленной (структурной) политики, широкое распространение получили приватизация и дерегулирование²².

С точки зрения теории эндогенного роста, прием в Евросоюз стран ЦВЕ с общей численностью населения свыше 100 млн человек увеличивал емкость единого внутреннего рынка, расширял поле деятельности для ведущих западноевропейских ТНК. В государствах-кандидатах существовал консенсус относительно благоприятных перспектив «возвращения в Европу» и будущего членства в ЕС. Ожидалось, что, сбросив оковы планового хозяйства, эти страны запустят механизмы конкуренции и личной заинтересованности работников в результатах труда, приобщатся к новейшим достижениям науки и техники, встанут на путь устойчивого роста.

¹⁹ *Romer P. M.* . Increasing Returns and Long-Run Growth // *Journal of Political Economy*. Oct. 1986. Vol. 94 № 5. P. 1002–1037; *Lucas R. E.* On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. № 22. P. 3–42; *Rebelo S.* Long-Run Policy Analysis and Long-Run Growth // *The Journal of Political Economy*. June 1991. Vol. 99 № 3. P. 500–521; *Grossman G. M., Helpman E.* Endogenous Innovation in the Theory of Growth // *The Journal of Economic Perspectives*. Winter 1994. Vol. 8. Issue 1. P. 23–44; *Kremer M.* Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990 // *Quarterly Journal of Economics*. 1990. № 108. P. 681–716.

²⁰ В качестве дополнительного материала на русском языке можно рекомендовать следующие работы: *Бетелл Т.* Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008; *Коломбатто Э.* Рынки, мораль и экономическая политика. М.: Мысль, 2016.

²¹ *Оппенлендер К. Г.* Европейская промышленная политика – необходимость и принципы // *Мировая экономика и международные отношения*. 1994. № 5. С. 126–133.

²² *Осадчая И.* Смена стратегии регулирования в капиталистических странах // *Мировая экономика и международные отношения*. 1987. № 10. С. 13–27.

В середине 1990-х гг., еще до вступления в ЕС, все страны-кандидаты подписали с Евросоюзом соглашения об ассоциации, которые обеспечили свободу передвижения товаров, людей, услуг и капиталов – то есть взаимное открытие рынков. Провозглашенные Евросоюзом в 1993 г. копенгагенские критерии требовали, чтобы еще до начала переговоров о вступлении страна-кандидат продемонстрировала:

- наличие стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона и права меньшинств;
- наличие функционирующей рыночной экономики, способной выдерживать конкуренцию на внутреннем рынке ЕС;
- готовность взять на себя обязательства, связанные с вступлением в ЕС и с будущим присоединением к зоне евро.

Подготовка к вступлению сопровождалась массовой приватизацией – передачей в частные руки государственных предприятий, устранением государственного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов и открытием экономики по отношению к внешнему миру.

Финансовая помощь странам ЦВЕ предоставлялась по линии программы ФАРЕ, Европейского банка реконструкции и развития (действующего вне институциональных рамок ЕС), Европейского инвестиционного банка, а уже после их вступления в ЕС – также из структурных фондов Сообщества. Она должна была восполнить нехватку средств на внутренних рынках, возникшую ввиду приватизации, слабости национальной финансовой системы, повышенной инфляции, недостаточной конкурентоспособности местных производителей и неустойчивости национальных валют. Ту же функцию выполнял приток частного иностранного капитала, устремившийся в страны ЦВЕ из Западной Европы.

Сравнивая детерминанты экономического роста с мерами Евросоюза, направленными на интеграцию стран ЦВЕ в его общее хозяйственное пространство, можно получить следующую картину.

Фактор демографии находится вне досягаемости органов ЕС. Цели по стимулированию рождаемости, если и могут ставиться, то только на уровне национальных правительств, тогда как их эффективность остается весьма сомнительной.

Создание институтов рыночной экономики и обеспечение прав собственности находилось в центре внимания органов ЕС. Задача решалась как при помощи копенгагенских требований, так и путем внедрения законодательства ЕС в право стран-претендентов в процессе их подготовки к вступлению. Важное значение придавалось развитию демократических институтов и укоренению демократических стандартов. Хотя понятие инклюзивных экономических институтов сформировалось позже, почти все элементы концепции были включены в повестку дня. А именно: гарантия безопасности частной собственности, непредвзятая система права и предоставления общественных услуг, доступ на рынок для нового бизнеса и право выбирать карьеру²³. Вне поля зрения ЕС остались права трудящихся влиять на действия работодателей, а также возможности населения противодействовать демонтажу социальных сервисов.

Человеческий капитал стран ЦВЕ считался достаточно развитым благодаря высоким показателям образования, присутствию на рынке труда большого числа инженерно-технических кадров, врачей, педагогов и научных работников. Специальные усилия со стороны ЕС ограничивались в основном дополнительным образованием государственных служащих. Вопрос о разнице в уровнях подготовки специалистов одних и тех же профессий в восточной и западной частях Европы хотя и возникал, но не имел практического продолжения в политике ЕС в отношении новых членов.

²³ Подробнее об инклюзивных и эксклюзивных экономических и политических институтах см.: *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.

Решающий фактор технологий оказался на периферии круга задач органов ЕС, как представляется, по двум причинам. Первая состоит в том, что собственно научно-техническая политика ЕС только начала формироваться в 1980-е гг., а ее средств было явно недостаточно для того, чтобы стимулировать НИОКР в новых государствах-членах. По разным подсчетам, в 1990–2000-е гг. через рамочные программы научно-технического развития ЕС осваивалось от 1 до 4 % всех ассигнований на научные исследования в государствах – членах Евросоюза. Вторая причина заключается в том, что под воздействием либеральных идей руководство ЕС возлагало особые надежды на частную инновационную активность – как со стороны освободившихся от государственного давления местных предприятий стран ЦВЕ, так и со стороны хорошо наделенных капиталом западноевропейских компаний. Последние могли служить проводниками передовых технологий и современных практик менеджмента.

Фактор культуры никогда не находился в сфере внимания органов ЕС уже потому, что его культурная политика только дополняет национальные программы и сосредоточена в основном на символических акциях. Воздействие повседневной культуры на экономические результаты общества – один из самых малоизученных и спорных вопросов современной экономической науки. В качестве примера вспомним основанное на огромном статистическом материале исследование Грегори Кларка, в котором доказывается, что фактом своего существования промышленная революция в Англии во многом обязана постоянному притоку в средние и низшие слои общества выходцев из высших слоев. Автор утверждает, что именно они несли и закрепляли в повседневной жизни принципы рационального мышления, высокую деловую дисциплину, честность и ответственность²⁴. Следует признать, что до сих пор культурные и исторические различия между Восточной и Западной Европой не стали предметом серьезного экономического анализа. Они также не учитывались органами ЕС в ходе адаптации стран ЦВЕ к условиям ЕС.

Поскольку обычно факторы демографии и культуры остаются за рамками макроэкономической политики, учета этих факторов не следует ждать и от Евросоюза. То есть из пяти главных факторов экономического роста ЕС потенциально мог влиять на три. Фактически же в отношении стран ЦВЕ органы ЕС сосредоточились на одном факторе – создании институтов рыночной экономики. Из неоклассической парадигмы они взяли на вооружение приватизацию и дерегулирование, которые в некотором смысле создавали условия для запуска частной инициативы и инноваций. Два других ключевых фактора – технологии и человеческий капитал – не учитывались Евросоюзом в процессе интеграции относительно слабых экономик стран ЦВЕ.

Уровни благосостояния и их количественные оценки

Сближение уровней социально-экономического развития является одной из наиболее значимых и традиционных целей Евросоюза. Она закреплена в стратегии «Европа 2020», наряду с двумя другими основными целями – обеспечением умного и устойчивого роста. Согласно букве документа, под инклюзивным ростом Евросоюз понимает «развитие экономики с высоким уровнем занятости, которая способствовала бы экономическому, социальному и территориальному сплочению»²⁵.

Официальное статистическое ведомство Европейского союза – Евростат – представляет данные о соотношении ВВП на душу населения в отдельной стране по сравнению со средним показателем всех 28 стран Евросоюза. Для расчета показателя по паритету покупатель-

²⁴ Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

²⁵ Communication from the Commission. Europe 2020. A Strategy for smart, sustainable and inclusive growth / European Commission. Brussels. 03.03.2010. Com (2010) 2020 final. P. 10.

ной способности применяется система специальных коэффициентов. Ориентация на средний по Евросоюзу показатель позволяет получить относительно благоприятную картину (см. табл. 1.1). Так, по последним данным за 2015 г., ВВП на душу населения по ППС равнялся от среднего по ЕС-28: в Бельгии – 119 %, в Германии – 124 %, в Эстонии – 75 %, в Польше – 69 %, в Румынии – 57 %²⁶.

По сравнению с 2003 г. (начиная с которого в настоящее время доступна статистика рассматриваемого показателя), все новые страны ЕС заметно повысили свой уровень дохода. Например, в Болгарии соотношение увеличилось с 33 до 47 %, в Чехии – с 77 до 87 %, в Латвии – с 45 до 64 %. Исходя из данных Евростата, уровень жизни в большинстве стран ЦВЕ, кроме двух беднейших – Болгарии и Румынии, примерно соответствует уровню жизни в двух наименее развитых западноевропейских странах – Греции и Португалии. При этом показатели Греции за последние десять лет существенно ухудшились, а показатели Португалии фактически не изменились. Следовательно, по показателям динамики государства ЦВЕ находятся в лучшем положении, чем две названные страны, участвующие в ЕС уже тридцать лет – с января 1986 г.

Иная панорама открывается при использовании данных ЮНКТАД в номинальном исчислении, то есть без учета покупательной способности валют, и соотнесении показателей стран ЦВЕ не со всем составом ЕС, а с его ведущими участниками – Германией, Францией, Великобританией и Италией (см. табл. 1.2). Преимущество данных ЮНКТАД состоит в том, что они включают более длинные, чем в Евростате, временные ряды. Интересующий нас показатель доступен уже с 1991 г. для большинства стран ЦВЕ и с 1993 г. – для всех новых участников ЕС. Удлиненный временной ряд позволяет выяснить, что наибольшее приближение душевого ВВП в странах ЦВЕ к ведущим экономикам Евросоюза происходило на временном отрезке с 2000 по 2005–2007 гг. Половина этого интервала попадает на период, когда государства ЦВЕ уже вышли из трансформационного спада и готовились к вступлению в ЕС (2000–2004 гг.). Во время их членства в Евросоюзе сближение показателей продолжалось до 2007 г., то есть в период благоприятной хозяйственной конъюнктуры. Начавшийся в 2008 г. экономический спад запустил обратную тенденцию – уровни душевого дохода стали расходиться, но к 2014 г. процесс конвергенции возобновился во всех странах, кроме Словении.

Таблица 1.1

ВВП на душу населения в некоторых странах ЕС в 2003–2015 гг. по паритету покупательной способности, ЕС-28 = 100

²⁶ В 2014 г. в Хорватии ВВП на душу населения составлял 59 % от среднего по ЕС-28. Данная страна исключена из выборки и исследования, поскольку она стала членом ЕС с 1 июля 2013 г.: прошедший с этой даты срок не позволяет судить о воздействии интеграции на показатели ее макроэкономического развития.

	2003	2005	2007	2010	2012	2014	2015
ЕС-28	100	100	100	100	100	100	100
Болгария	33	36	41	45	46	47	47
Чехия	77	80	84	81	82	85	87
Эстония	52	59	68	63	74	76	75
Латвия	45	51	60	52	60	64	64
Литва	49	53	61	60	70	75	75
Венгрия	62	62	61	65	65	68	68
Польша	48	50	53	62	67	68	69
Румыния	31	35	42	50	54	55	57
Словения	83	86	87	83	81	83	83
Словакия	55	59	67	73	75	77	77
Бельгия	123	119	115	119	121	119	119
Германия	116	116	116	119	122	124	124
Греция	94	92	92	87	74	73	68
Испания	100	100	103	97	92	91	90
Франция	111	110	107	108	107	107	106
Италия	112	106	105	104	101	96	96
Португалия	78	80	79	81	77	78	77
Великобритания	123	125	118	108	107	109	108

Источник: электронная база данных Евростат. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat>.

По статистике ЮНКТАД, во всех странах ЦВЕ, кроме Словении, уровень благосостояния намного ниже, чем в западноевропейских государствах, в том числе и в беднейших из них – Португалии и Греции. Эстония, Венгрия, Польша и Словакия имеют душевой ВВП в полтора раза ниже, чем Португалия и Греция; в Латвии он ниже вдвое, а в Румынии и Болгарии – почти втрое. В Болгарии и Румынии номинальный душевой доход

Таблица 1.2

ВВП на душу населения в новых странах ЕС в постоянных ценах 2005 г. в долл. США, доля от среднего показателя Германии, Франции, Великобритании и Италии, %

	1993	2000	2003	2005	2007	2010	2015
Болгария	9,6	8,5	9,7	10,9	12,0	12,9	14,0
Чехия	32,0	32,9	34,9	37,9	40,5	41,0	42,0
Эстония	17,0	21,9	26,2	30,1	34,7	30,0	33,2
Венгрия	25,5	26,8	29,5	31,6	31,7	31,3	33,1
Латвия	12,3	14,5	18,2	21,9	26,4	22,8	26,7
Литва	15,0	15,5	19,6	22,7	26,7	25,5	30,9
Польша	16,4	20,6	21,4	22,7	24,8	28,3	31,0
Румыния	10,4	10,1	11,6	12,9	14,3	14,9	17,7
Словакия	18,9	21,4	23,7	25,9	29,6	31,9	34,3
Словения	39,7	46,1	49,2	51,8	55,5	54,4	52,3
Португалия	51,7	55,2	53,9	53,5	53,1	54,3	50,1
Греция	55,2	56,2	62,0	63,9	66,9	62,1	48,5

Источник: рассчитано по данным электронной базы ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/>

Примечание: средний показатель ВВП на душу населения Германии, Франции, Великобритании и Италии рассчитан как среднее арифметическое показателей четырех стран. в 6–7 раз (!) ниже, чем в четверке крупнейших стран – Германии, Франции, Великобритании и Италии. Этим нетрудно объяснить происходящее в Болгарии и Румынии обезлюживание, падение инфраструктуры и распространение кланового капитализма.

Номинальные показатели ВВП позволяют обнаружить только относительное сближение уровней жизни: поскольку все экономики растут, то относительная величина разрыва сокращается. При этом абсолютный стоимостной разрыв сохраняется. За период 2003–2015 гг. он

увеличился для Болгарии и Румынии с 25 до 30 тыс. долл., а для Венгрии – с 21 до 25 тыс. долл. Примерно на 1–3 тыс. долл. увеличился абсолютный разрыв для Чехии, Латвии, Литвы и Польши. В остальных странах ЦВЕ он сохранился примерно на уровне 2003 г. и нигде не уменьшился. Справедливости ради следует отметить, что абсолютное отставание Португалии и Греции по номинальному душевому ВВП от четверки крупнейших стран увеличилось на 4–5 тыс. долл. – так же как и в случае Болгарии и Румынии (см. табл. 1.3).

Чтобы согласиться с Евростатом, что Эстония, Литва и Словакия (с доходом в 11–13 тыс. долл.) имеют тот же уровень жизни, что и Португалия (с доходом 18 тыс. долл.), надо быть уверенным, что цены в Португалии в полтора раза выше, чем в трех названных странах. Но это не очевидно. Цены на местные сельхозпродукты, аренду жилья и общественный транспорт действительно могут быть ниже. На импортные товары – едва ли, включая энергоносители. То же касается необходимых для современной жизни товаров и услуг с международной (или почти единой в рамках ЕС) ценой: компьютеров и программного обеспечения, лекарств и медицинских услуг, авиабилетов, туристических поездок, обучения в западных университетах, изданных за рубежом книг.

Таблица 1.3

ВВП на душу населения в странах Евросоюза в постоянных ценах 2005 г., долл. США

	1993 г.		2000 г.		2015 г.	
	Абсолютная величина	Разница	Абсолютная величина	Разница	Абсолютная величина	Разница
ЕС-4	28 430	—	33 214	—	37 461	—
Болгария	2722	25 708	2839	30 375	5234	32 227
Чехия	9084	19 346	10 944	22 270	15 727	21 734
Эстония	4842	23 588	7261	25 953	12 436	25 025
Венгрия	7250	21 180	8905	24 309	12 410	25 051
Латвия	3490	24 940	4814	28 400	10 007	27 454
Литва	4257	24 173	5136	28 078	11 560	25 901
Польша	4671	23 759	6857	26 357	11 622	25 839
Румыния	2955	25 475	3366	29 848	6638	30 823
Словакия	5366	23 064	7104	26 110	12 855	24 606
Словения	11 274	17 156	15 311	17 903	19 578	17 883
Португалия	14 696	13 734	18 336	14 878	18 768	18 693
Греция	15 685	12 745	19 306	13 908	18 158	19 303

Источник: рассчитано по данным электронной базы ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/>

Примечание: ЕС-4 – Германия, Франция, Великобритания и Италия. Их показатель ВВП на душу населения рассчитан как среднее арифметическое четырех показателей.

В графе «Разница» показана разность от вычитания абсолютного показателя ЕС-4 и показателя душевого дохода конкретной страны.

При нынешних нулевых темпах инфляции в зоне евро выравнивание уровней жизни во всем ЕС за счет относительного снижения цен в странах ЦВЕ почти невозможно – тогда там пришлось бы снижать зарплату, что привело бы к падению спроса и уровня жизни. Существует и другой путь – снижение курса национальных валют стран ЦВЕ по отношению к евро, то есть валютный демпинг. Такая возможность сохраняется у Польши, Венгрии и Чехии, которые пока не имеют планов вступления в зону евро. Три балтийские республики, а также Словакия и Словения стали членами ЭВС. Что касается беднейших Болгарии и Румынии, то они не только рассматривают возможность перехода на евро, но и ведут соответствующие консультации с Европейским центральным банком (ЕЦБ). На наш взгляд, подобный шаг имел бы крайне негативные последствия как для экономики рассматриваемых государств, так и в целом для экономической политики Евросоюза и денежно-кредитной политики ЕЦБ. Их поле для маневра сократилось бы при одновременном возрастании риска асимметричных шоков.

В целом итоги экономической конвергенции стран ЦВЕ с основным составом ЕС нельзя оценить однозначно положительно. По данным Евростата, процесс конвергенции идет, пусть и медленно: относительно бедные страны постепенно подтягиваются к среднему по ЕС уровню. Чтобы считать этот вывод полностью достоверным, нужна кропотливая работа по оценке методов подсчета паритетов покупательной способности валют стран ЦВЕ и их ценовой динамики. Определенный вклад в формирование позитивной оценки вносит начавшееся в 2008 г. снижение курса чешской кроны, венгерского форинта, румынского лея и польского злотого. По данным ЮНКТАД о номинальном душевом доходе, абсолютный разрыв между странами ЦВЕ и крупнейшими государствами ЕС сохраняется, уменьшается лишь его относительная величина.

Если экстраполировать динамику последнего десятилетия на период до 2030 г., то, по данным Евростата, при использовании логарифмической линии тренда²⁷, Болгария к этому времени может иметь душевой доход, равный 53 % от среднего по ЕС-28. Для Румынии (по той же методологии) показатель составит 64 %, для Венгрии – 67 %, для Польши – 73 % и для Чехии – 87 %.

Линейная экстраполяция данных ЮНКТАД за период с 1993 г. дает следующие ожидаемые показатели номинального душевого ВВП в 2030 г. (в ценах 2005 г.): Чехия – 21 тыс. долл.; Венгрия и Польша – примерно по 17 тыс. долл., Румыния и Болгария – около 7 тыс. долл. Логарифмическая линия тренда душевого дохода в четырех крупнейших странах ЕС выводит нас в 2030 г. на отметку в 37 тыс. долл., а линейная – на 44 тыс. долл. Следовательно, относительный душевой ВВП в Чехии может повыситься с нынешних 40,5 % до 48–57 %. Венгрия и Польша с нынешних 33 и 31 % могут подняться до 38–46 %. При линейной динамике роста номинального душевого ВВП в четверке сильнейших стран (Германии, Франции, Великобритании и Италии) Болгария и Румыния останутся на нынешних отметках в 14 и 16 % соответственно, а при замедленной динамике четырех ведущих экономик ЕС они поднимутся примерно до 19 %. Другими словами, страны ЦВЕ в лучшем случае будут в два раза отставать от ЕС-4, а в худшем – в три раза. Для беднейших Болгарии и Румынии высока вероятность того, что нынешний шести-семикратный разрыв сократится до пятикратного и законсервируется на этом уровне.

Факторы роста в различных группах стран

Все теории роста магистрального направления экономической науки отводят значимую роль человеческому капиталу и технологиям. На этом основании в данной работе будет прослежена связь между качеством рабочей силы и инвестициями в НИОКР в различных группах стран современного Евросоюза.

Анализу подверглись все страны ЕС, кроме Люксембурга, Мальты и Кипра, показатели которых ввиду малочисленного населения (до 1 млн человек) по своей структуре могут заметно отличаться от показателей других стран. Уравнения парной регрессии составлялись с использованием данных Евростата о душевом ВВП в текущих ценах по итогам 2014 г. При этом страны делились на четыре условные группы: «запад», «восток», «богатые» и «бедные». К условному «западу» отнесено 14 государств, уже находившихся в ЕС во время его расширения на восток, а именно: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция и Швеция. Группу под названием «восток» составили 11 государств, которые вошли в ЕС в 2004 г. и позже, а именно: Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Румыния, Чехия, Хорватия и Эстония.

²⁷ Применение логарифмической линии тренда обосновывается тем, что показатель рассчитан от среднего по ЕС-28, следовательно, по мере приближения к этой отметке темп сближения будет замедляться.

Группа с условным названием «богатые» охватила государства с душевым доходом более 20 тыс. евро. Сюда попали все страны «запада», кроме Греции и Португалии. Соответственно, группа с условным названием «бедные» состоит из всех стран «востока» и названных Греции и Португалии. С методологической точки зрения деление на «богатые» и «бедные» представляется обоснованным уже потому, что пролегающая между ними граница довольно широка. В группе обеспеченных стран наименьший душевой ВВП имеет Испания – 22,4 тыс. евро; в группе наименее обеспеченных стран самый высокий душевой ВВП отмечается у Словении – 18,1 тыс. евро. Разница между ними составляет более 4 тыс. евро. Хотя такой же и даже несколько больший промежуток отделяет душевой показатель Италии от Франции, а Испании – от Италии, нам представляется более правомерным отнести Испанию и Италию к группе «богатых» стран ЕС, нежели к группе «бедных».

Уровень образования. Для выявления связи между уровнем образования и душевым доходом мы воспользовались данными Евростата о доле лиц с законченным средним образованием в возрастной группе от 25 до 64 лет. Самые высокие показатели (свыше 90 %) имеют: Чехия, Эстония, Литва, Польша и Словакия. Следующая группа (с показателем от 80 до 89 %) включает Германию, Болгарию, Хорватию, Латвию, Венгрию, Австрию, Словению, Финляндию, Данию и Швецию. Показатель в диапазоне от 70 до 79 % демонстрируют Великобритания, Ирландия, Бельгия, Франция, Нидерланды и Румыния. В Греции среднее образование имеют 68 % лиц указанных возрастов, в Испании и Италии – около 60 %, а в Португалии – 43 %.

Данные по всем странам Евросоюза не выявили никакой зависимости между двумя показателями, что противоречит ожиданиям и здравому смыслу. Линейная линия тренда оказалась почти горизонтальной с небольшим наклоном вниз при минимальном коэффициенте детерминации (см. табл. 1.4).

Объяснить странный факт удалось после разбивки данных по группам стран. В группе «запад» обнаружилась высокая зависимость между уровнем образования и душевым доходом, что соответствует общепринятому тезису об увеличении доходов по мере роста качества рабочей силы. С повышением в стране на один процентный пункт доли людей с законченным средним образованием ее средний душевой доход увеличивается на 599 евро в год. Достаточно надежная, но несколько менее выраженная зависимость двух показателей проявилась и в группе «богатых» стран. То есть удаление Греции и Португалии не повлияло на исследуемую детерминанту. Зато в группах с условным названием «восток» и «бедные» не удалось установить зависимости между двумя переменными. В первом случае мы имеем дело с низким (менее 50 %) коэффициентом детерминации, а во втором – с отрицательным наклоном линии тренда и ничтожным коэффициентом детерминации (см. рис. 1.1, табл. 1.4).

Полученные результаты следует трактовать с осторожностью. Для их подтверждения или опровержения требуется проведение более широких по охвату данных исследований, в том числе в динамике по годам. Тем не менее уже сейчас можно сделать предварительные оценки и выдвинуть предположения, позволяющие определить направления дальнейших поисков.

Первое такое суждение состоит в том, что довольно высокий уровень образования в странах ЦВЕ, который во многом является наследием плановой экономики, не приводит к адекватному повышению доходов трудящихся. Их заработные платы отстают от западноевропейских. Причина едва ли коренится в разнице между качеством школьного образования на востоке и на западе Европы (что характерно для ряда направлений университетского образования). Значит, дело в низкой конкурентоспособности местных предприятий и, возможно, в сознательной политике западноевропейских ТНК, пользующихся относительно дешевой рабочей силой в новых странах ЕС.

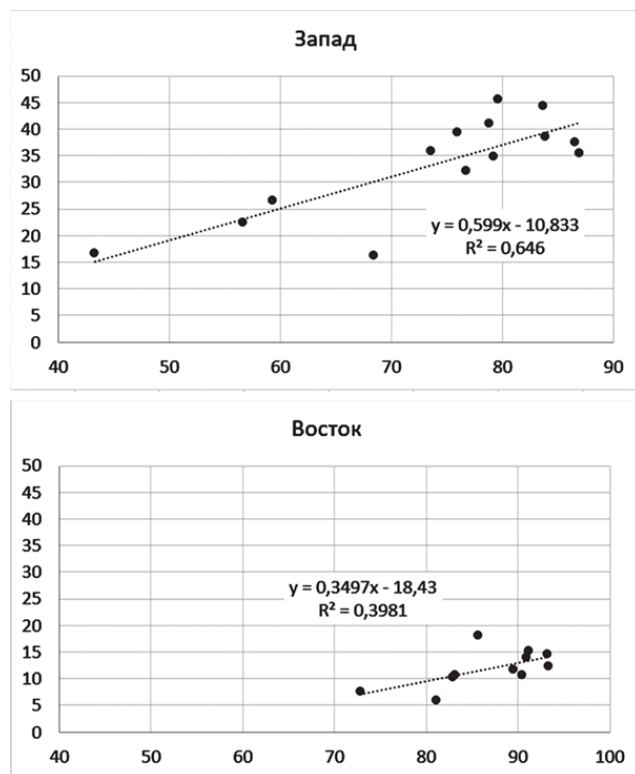

Рисунок 1.1. Зависимость душевого ВВП от доли лиц с законченным средним образованием в возрасте от 25 до 64 лет в странах ЕС в 2014 г.

Источник: подсчитано по данным Евростата. <http://ec.europa.eu/eurostat> (Дата обращения 20.07.2017)

Примечание: по оси ординат отложен душевой доход в тыс. евро, по оси абсцисс – доля лиц с законченным средним образованием в избранной возрастной группе.

Второе наблюдение имеет более общий характер. Установленный факт отсутствия связи между уровнем школьного образования и душевым доходом в восточных странах ЕС при наличии такой связи в Западной Европе указывает на качественную неоднородность социально-экономического пространства Евросоюза. Вероятно, что и в других случаях закономерности, характерные для стран со зрелой рыночной экономикой, не проявляются в странах, недавно перешедших к рынку. То есть, несмотря на соблюдение институциональных условий, страны ЦВЕ имеют иную логику хозяйственного развития, нежели их западные соседи. В таком случае наличие структурных диспропорций может существенно затруднять проведение общей экономической политики ЕС. Если она будет исходить из нужд западноевропейских членов (а это логично и целесообразно, поскольку они являются главной экономической и политической силой объединения), то ее меры могут оказываться бесполезными или даже вредными для государств ЦВЕ.

Таблица 1.4

Зависимость душевого дохода от некоторых факторов роста в странах ЕС в 2014 г., согласно уравнению парной регрессии $y = bx + a$

	b	a	R ²
Доля лиц со законченным средним образованием в возрасте от 25 до 64 лет			
Все страны ЕС	–0,905	31,096	0,007
«Запад»	0,599	–10,833	0,646
«Богатые»	0,5386	–5,1737	0,6013
«Восток»	0,3497	–18,43	0,3981
«Бедные»	–0,0446	16,265	0,0294
Общие расходы на НИОКР, доля в ВВП			
Все страны ЕС	11,152	4,6427	0,6764
«Запад»	9,0828	13,316	0,7585
«Богатые»	7,5805	17,737	0,7601
«Восток»	4,2443	69 896	0,6648
«Бедные»	3,9936	80 274	0,4749
Коммерческие расходы на НИОКР, доля в ВВП			
Все страны ЕС	14,614	8,1009	0,6654
«Запад»	12,148	16,047	0,7457
«Богатые»	9,1867	21,553	0,6261
«Восток»	4,4553	9,1063	0,4841
«Бедные»	3,8963	10,258	0,2997

Источник: подсчитано по данным Евростата. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (Дата обращения 20.07.2017)

Примечание: во всех случаях функцией является душевой доход, аргументом – уровень образования или расходы на НИОКР.

Расходы на технологии. Чтобы охарактеризовать связь между технологическим развитием и уровнем благосостояния, были построены три парные регрессии. Душевой доход сравнивался с долей в ВВП общих, коммерческих и государственных вложений в НИОКР. Во всех случаях использовались последние доступные данные Евростата. Добавим, что Евростат выделяет четыре источника финансирования НИОКР: коммерческий сектор (business enterprise sector), государственный сектор, сектор высшего образования, частный некоммерческий сектор и зарубежные инвестиции. Первые два сектора дают, как правило, до трех четвертей всех вложений.

Самая высокая доля общих расходов на НИОКР в ВВП (свыше 3 %) отмечается в Дании, Швеции и Финляндии. Далее с показателем от 2 до 3 % следуют: Германия, Австрия, Словения, Бельгия и Франция. В Великобритании, Нидерландах, Чехии, Испании, Эстонии, Италии, Венгрии и Португалии показатель находится в пределах от 1 до 2 %. Примерно половина стран ЦВЕ, а также Греция инвестируют в НИОКР менее 1 % ВВП. Данные по Ирландии недоступны.

Уравнения парной регрессии показали высокую зависимость душевого ВВП от доли общих расходов на НИОКР в ВВП как по всему Евросоюзу, так и по трем выделенным группам. Этот результат хорошо согласуется с положениями теорий роста о том, что вложения в технологии напрямую влияют на уровень благосостояния. В странах Западной Европы прирост на 1 процентный пункт доли расходов на НИОКР повышает душевой ВВП на 9,1 тыс. евро; в относительно богатых странах он добавляет 7,5 тыс. евро, а в странах ЦВЕ – 4,2 тыс. евро. В группе с условным названием «бедные» зависимость не проявилась: коэффициент детерминации здесь равен 0,47 (см. табл. 1.4). Обращает на себя внимание тот факт, что одинаковый прирост технологических инвестиций дает разный прирост душевого ВВП: в старых странах ЕС он оказывается вдвое выше, чем в новых. Данный результат можно трактовать как тревожный и даже негативный сигнал для стран ЦВЕ и их экономической политики.

Сравнение доли коммерческих затрат на НИОКР с душевым ВВП выявило достаточно высокое влияние первой переменной на вторую. По всему ЕС коэффициент детерминации составляет почти 0,67, а по странам условного «запада» его величина еще больше – 0,75. Надежная связь обнаружилась и в группе относительно богатых стран: 63 % прироста душевого дохода объясняется приростом значимости коммерческих НИОКР в национальной экономике (см. табл. 1.4).

Однако в остальной части ЕС такой зависимости не проявилось: в группе «восток» коэффициент детерминации составляет 0,48, а в группе «бедные» он равен 0,3. Таким образом, если в группе западноевропейских стран существует явно выраженная зависимость между долей коммерческих НИОКР в ВВП и душевым доходом, то в группе восточноевропейских стран она отсутствует. Эти результаты аналогичны тем, которые получены при исследовании воздействия уровня образования на душевой ВВП, что является новым аргументом, подтверждающим качественную неоднородность экономического пространства современного Евросоюза.

При попытке установить связь между долей государственных расходов на НИОКР и душевым доходом во всех пяти случаях (весь ЕС и четыре названные группы) был получен отрицательный результат. Коэффициенты детерминации всюду составили менее 0,25. То есть переменные данной пары не влияют друг на друга. По этой причине полученные данные не были занесены в табл. 1.4.

Рассматривая коэффициенты детерминации по трем исследованным парам показателей, нельзя не обратить внимание на следующую характеристику. В каждом из трех случаев коэффициенты детерминации в группе «запад» оказались выше, чем в целом по Евросоюзу и даже в группе относительно богатых стран. Аналогичным образом коэффициенты детерминации в группе относительно бедных стран получились ниже, чем в группе стран ЦВЕ. Сделанная выборка слишком мала для того, чтобы делать далеко идущие выводы. Тем не менее полученные результаты наводят на мысль, что группа западных стран в ЕС более органична по своему составу, чем группа «богатых» стран, тогда как группа «бедных» стран (куда вошли государства со зрелыми и с нарождающимися рынками) представляет собой разрозненный, лишенный внутренней логики конгломерат.

* * *

Современная теория выделяет пять главных факторов долгосрочного экономического роста. Однако она не учитывает такого важного фактора, как организация производственного процесса. Организационное построение компаний, методы управления хозяйственной деятельностью на микроуровне оказывают существенное влияние на показатели той или иной отрасли, а также всей национальной экономики. Когда страны ЦВЕ готовились к вступлению в ЕС, предполагалось, что на их рынки придут западные транснациональные компании и принесут свои лучшие управленческие практики. Механизмы распространения таких практик на остальные сегменты экономики не обсуждались, как не ставилась и проблема их адаптации к национальной культуре и деловой среде.

Из рассматриваемых унифицированной моделью роста пяти главных факторов хозяйственного развития при вступлении стран ЦВЕ в ЕС упор был сделан только на один фактор, а именно – на институты рынка, к которым добавлялись приватизация и либерализация. Другие четыре фактора, включая технологии и человеческий капитал, практически не учитывались органами Евросоюза. О качестве человеческого капитала в странах-кандидатах делались оптимистичные оценки, выводимые из высокого уровня образованности рабочей силы.

Проведенное исследование показало, что итоги конвергенции душевого дохода новых членов с основным составом Евросоюза не дают оснований для однозначных положительных выводов. Темп сближения западной и восточной частей ЕС невелик. Создавая возможность для относительной конвергенции, выраженной в процентах, он не обеспечивает сокращения абсолютного разрыва, выраженного в денежных единицах.

Исследование воздействия некоторых факторов роста на душевой доход в странах ЦВЕ при помощи уравнений парной регрессии выявило значимую детерминанту – долю расходов на НИОКР в ВВП. Однако ее воздействие на уровень благосостояния в странах ЦВЕ вдвое меньше, чем в западноевропейских государствах ЕС. В отличие от них, бывшие страны с пла-

новой экономикой не демонстрируют надежной связи между уровнем образования и долей коммерческих НИОКР в ВВП, с одной стороны, и душевыми доходами – с другой.

Данный факт свидетельствует не только о качественной разнородности социально-экономического пространства ЕС, но и о том, что методы стимулирования экономического роста в промышленно развитых странах не работают или работают с гораздо меньшей отдачей в странах догоняющего развития. Вместе с тем предметом магистрального направления экономической мысли является некая абстрактная экономика, не находящаяся в зависимости от более сильного партнера. То есть экономическая наука решает проблемы развитых экономик и игнорирует вызовы догоняющих хозяйств. Как следствие, оздоровление последних оказывается в полной зависимости от мастерства и гражданской ответственности их национальных правительств. В случае с государствами ЦВЕ вырабатываемая органами Евросоюза общая экономическая политика базируется на унифицированном (хотя и адаптированном в некоторых случаях к национальным реальностям) подходе, что не позволяет ставить и успешно решать проблему сближения уровней душевого дохода. Таким образом, влияние региональной интеграции на конвергенцию на практике оказывается более слабым, чем предполагалось при расширении ЕС на восток.

Глава 2. Социальное развитие Европы: проблемы и поиски

Этапы политического, экономического и социального развития современного общества настолько взаимосвязаны и взаимообусловлены, что не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Каждая ступень открывает новые возможности и перспективы. Одновременно проявляются новые проблемы, трудности и риски. Европейские цивилизационные ценности всегда считались образцом внимания и уважения к человеку, верности гуманистическим идеалам и традициям, накопленным веками. Именно они служили основой для сплочения народов Европы в трудные периоды истории и для обеспечения поступательного социально-экономического развития.

Опираясь на эти ценности, европейцы не раз демонстрировали способность к восприятию нового, к трансформации общества в соответствии с вызовами времени. Это позволило им обеспечить более чем полувековое успешное и безопасное развитие, создать качественно новую форму объединения государств – Европейский союз. С самого начала процесса европейской интеграции (50-е гг. прошлого века) ее «отцы-основатели» стремились к воплощению в жизнь социально-ориентированной модели развития общества, способной гарантировать его устойчивое экономическое и политическое развитие. Несмотря на определенные различия между странами, все они декларировали приверженность европейским гуманистическим ценностям, интересам и правам человека.

Форма организации Западной Европы, предложенная Ж. Монне и Р. Шуманом – в виде Сообщества на основе интеграции, вполне себя оправдала. Три «славных десятилетия» – 1950–1980 гг. – привели к весомым экономическим успехам и серьезным социальным достижениям. Под давлением выступившего в послевоенные годы единым фронтом международного рабочего движения правящие круги пошли на определенные уступки, однако постарались представить достаточно высокий уровень жизни как неотъемлемую характеристику «цивилизованного капитализма». Немаловажную роль сыграла международная обстановка, когда каждая из сложившихся на континенте политических систем стремилась доказать свою жизнеспособность и привлекательность. Модель развития, предложенная Западом, должна была еще раз продемонстрировать преимущества капитализма над социализмом.

Это был продуманный стратегический выбор. Последовательность проведения такого курса привела к несомненному положительному результату. Хотя экономические и особенно социальные достижения были в значительной степени плодом борьбы массовых организаций трудящихся, фактом стало то, что большинство населения воспользовалось этими достижениями. Когда речь шла об уровне жизни населения, к среднему классу причисляли себя две трети европейцев. И неудивительно, ведь в среднем 30 % ВВП Сообщества тратилось на социальные нужды.

Таким образом, развитие европейской интеграции во второй половине XX в. шло динамично. Однако новый век кардинально изменил картину.

Глобальное мировое пространство и региональное (европейское), как его неотъемлемую часть, потрясла серия кризисов: институциональный (2005–2009 гг.), финансово-экономический (2008–2010 гг.), текущие кризисы государственных долгов, дестабилизация еврозоны, экономическая стагнация (с 2012 г.). Все эти кризисы являются многоплановыми и затрагивают различные сферы жизни общества. Решать порожденные ими проблемы предстоит комплексно. Преодоление их последствий и обеспечение дальнейшего развития интеграции стали первоочередной задачей Европейского союза во втором десятилетии XXI в.

Особенность текущего периода состоит в том, что все явственнее просматриваются социальная и политическая составляющие каждого из направлений развития общества, и именно в эту сторону сдвигаются акценты деятельности движущих сил интеграции. Взрывоопасная

международная обстановка и межгосударственные конфликты влекут за собой обострение вопросов безопасности населения, в том числе и социальной. Миграционный коллапс и крах мультикультурализма также вносят свою лепту в осложнение экономической и политической обстановки.

Социальное измерение формируется с помощью социальной политики, реализуемой каждым государством в зависимости от уровня его социально-экономического развития, национальных интересов и положения на международной арене. При этом нельзя не учитывать тенденций развития глобальных процессов, по которым объективно вынужден жить современный мир. Еще 24-я специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН по социальным вопросам (Женева, 2000 г.) поставила целью дать импульс новым инициативам, которые позволили бы встроить вопросы социальной справедливости в глобальную финансовую систему²⁸. От процесса глобализации невозможно изолироваться, как невозможно противостоять ему. Перестройка системы международных отношений вследствие окончания холодной войны и блоковой конфронтации привела к феномену распространения «глобализации» на политические процессы и социальные взаимосвязи. Так, например, Дж. Сорос отмечает, что сейчас правомерно говорить о глобализации информации, «возрастающей мобильности и коммерциализации идей»²⁹.

Текущий этап насыщен сложными моментами, связанными с необходимостью выхода из системных кризисов, с преодолением социальной нестабильности и межгосударственных разногласий, усугубляемых противоречиями политическими. Общество, переживающее многоаспектный кризис, неизбежно сталкивается с сопутствующими ему негативными социальными последствиями. Проблемы экономического порядка порождают социальную дестабилизацию, обостряют отношения между основными социальными партнерами: государством, бизнесом и гражданским обществом. Между тем для выведения стран из кризиса и преодоления его последствий необходимо работать сообща. Ведь ущерб был нанесен практически всем слоям общества, различным социальным и профессиональным группам. Неудивительно, что социальная политика становится предметом всеобщего интереса, в том числе и политических сил. Стоит сравнить предвыборные программы политических партий. Их социальная составляющая фактически идентична для правых, левых, центристов. Это и понятно: ведь социальные проблемы в той или иной степени затрагивают каждого. Другое дело, что они по-разному относятся к социальной политике, ставят перед собой разные цели и обладают разными возможностями для их достижения. Приходится констатировать, что поведение политических партий вместо того, чтобы выступать объединительным фактором, привело к развалу партийно-политических систем Европы. Крайне правые и националисты потеснили классические партии. И не случайно фактом стал кризис политического доверия.

Предвыборная борьба наполнена протестными выступлениями и популизмом. Как образно заметил французский философ А. Глюксман в интервью журналу «Шпигель»: «Сегодняшние европейские лидеры думают и действуют в ритме графиков выборов и опросов общественного мнения»³⁰.

Любые преобразования и реформы реализуются через политическую волю руководителей. Именно от них зависит плодотворное управление, координация действий, баланс взаимоотношений всех акторов социально-экономического развития. Не потеряли актуальности сформулированные Ж. Монне идеи, которые в свое время проложили европейской интеграции путь к успеху. На первое место он ставил наличие стратегической политической воли как

²⁸ United Nations General Assembly Special Session on the Implementation of the Outcome of the World Summit for Social Development and Further Initiatives. Geneva, Switzerland, 2000.

²⁹ Soros G. George Soros on Globalization. Oxford: Public Affairs Ltd, 2002.

³⁰ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalchange.com/futureurope.html> (Дата обращения: 12.08.2017).

инструмента сохранения мира и социальной стабильности. Опорой должны оставаться эффективные экономические средства. При этом само собой подразумевались равноправие государств-членов и возможность для них строить социальную политику в рамках модели, наиболее отвечающей интересам населения страны.

Социальное измерение европейской интеграции

На фоне сложной политической конъюнктуры и переключения внимания ряда стран на свои краткосрочные национальные интересы негативные последствия системных кризисов привели к нарастанию недовольства и увеличению числа открытых социальных конфликтов практически во всех регионах ЕС. Дуга нестабильности, опоясавшая юг Европы, распространяется и на другие регионы. Арабские события и миграционный коллапс мощно вмешались в ход европейской интеграции. Констатируя, что внешнеполитические приоритеты стран ЕС неодинаковы в своем подходе к конкретным событиям на мировой политической арене, ученые ИМЭМО РАН подчеркивают: «...подчас они расходятся и даже занимают полярные позиции»³¹. И, судя по всему, социальная дестабилизация в ближайшие годы будет нарастать. Так, прилив неконтролируемой рабочей силы на рынок труда, приносимый волнами мигрантов, не только предоставляет европейским предприятиям возможность заполнить рабочие места, но и служит причиной разбалансированности рынка труда, порождает глубокие социально-этнические разломы, питает безработицу, угрожает через несколько лет привести к банкротству пенсионных систем. Вырисовывается противостояние трех потоков мигрантов: беженцы, трудовые мигранты (внутренние и внешние) и титульное население. Столкновение их интересов приводит к нарушению социального баланса, ведет к обострению отношений между разными уровнями европейской власти. Под вопросом оказываются основные принципы взаимоотношений: субсидиарность и социальное сплочение.

Стремление руководства ЕС к увеличению своих полномочий, в частности через переход к стратегическому планированию, его требования подчинения государств-членов общеевропейскому праву и выполнения обязательств перед Сообществом нередко приводят к росту протестных настроений и потере доверия. Конфликт интересов ЕС и отдельных государств-членов объясняется и тем, что, с одной стороны, ситуация требует единого руководства и компромиссов, а с другой – социальная политика остается в национальной компетенции. Усугубляет ситуацию и ряд внешнеполитических демаршей ЕС. Государства-члены нередко оценивают их неоднозначно и строят свою национальную политику, не принимая во внимание общеевропейские интересы.

Под угрозой оказывается фундаментальная цель ЕС – формирование социально стабильного общества, гарантирующего достойный уровень и качество жизни населения, а также создание конкурентоспособной экономики, опирающейся на новейшие достижения науки и техники и способной обеспечить себя квалифицированной рабочей силой.

XXI в. высветил целый комплекс проблем, которые требуют общих незамедлительных решений. К ним относятся выработка стратегии в области миграционной политики, выравнивание ситуации в еврозоне, рациональное использование энергоресурсов, защита окружающей среды, регулирование рынка труда и многое другое. Но нельзя не признать, что, осознавая важность этих проблем и необходимость их решения, Европа оказалась еще и перед неотвратимостью борьбы против международного терроризма и его проявлений на своей территории. Визит германского канцлера А. Меркель весной 2017 г. в Россию и переговоры с президентом В. В. Путиным обозначили стремление к объединению сил против общего врага, несмотря на несовпадение позиций по ряду других внешнеполитических вопросов.

³¹ Европейский союз в поисках глобальной политики. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 584.

Серия терактов, прокатившихся по Европе, показала уязвимость прежнего порядка вещей. Европейская демократия вынуждена отказываться от своих постулатов о свободе, толерантности и пр., признать, что демократия предполагает ограничения в четких правовых рамках. Использование военных сил и полиции, устройство лагерей, возведение стен и другие меры по изоляции прибывающих мигрантов вызваны стремлением обеспечить безопасность своих граждан, сохранить социальную стабильность в обществе. Европейцы оказались перед лицом цивилизационного выбора. К ним пришла агрессивная цивилизация, навязывающая свой образ жизни. Неудивительно, что выработка механизма ограничения миграции стала одной из приоритетных задач для ЕС. Этому был посвящен саммит, состоявшийся на Мальте (март 2015 г.)³². Участники отметили продолжающийся прилив иммигрантов на территорию Евросоюза и отсутствие стратегии для решения их проблем. Было принято постановление о создании специального фонда (1800 млн евро), предназначенного для того, чтобы совместно с африканскими странами решать проблемы мигрантов, вернувшихся на родину (профессиональное обучение, создание возможностей для получения доходов и пр.). Но первые же попытки организовать и координировать действия стран-партнеров натолкнулись на коррупцию при использовании ресурсов фонда и нецелевую их растрату.

Правомерно утверждать, что такая ситуация предполагает не просто корректировку прежней политики, но кардинальную смену вектора социально-экономического развития и политического курса Европейского союза. Другими словами, налицо потребность в разработке или конструировании моделей развития, которые предоставляли бы человеку больше возможностей для достойной жизни, обеспечивая его безопасность.

В этой ситуации государства, как и надгосударственные объединения, для стабилизации положения и движения вперед разрабатывают схемы развития или модели в соответствии со своими запросами и возможностями, традициями и нормами. Уже отмечалось усиление внимания к социальному измерению и социальной политике как инструменту его совершенствования и обустройства. Не следует забывать, что термин «социальный» означает еще и «общественный», то есть несет более широкое содержание. Это не только социальная защита и социальное обеспечение населения, поддержка обездоленных, пенсионеров и прочие вопросы жизнеобеспечения людей. Данное понятие означает, что речь идет о проблемах, без решения которых невозможно развитие общества, совершенствование его социальной структуры, функционирование институтов власти, включая государство и политические партии.

Социальная политика сегодня призвана активно проявлять себя в самых разных сферах жизни общества, налаживать взаимоотношения различных его групп и слоев, поддерживать социальный баланс, заниматься проблемами социального партнерства, образования и качества жизни, вносить вклад в совершенствование социальной структуры общества, а также, что приобрело особое значение в последнее время, в обеспечение безопасности.

Нынешний этап развития Европы диктует не только новую модель взаимодействия экономической и социальной политики, но и выводит на передний план факторы экономического развития, связанные с человеческим потенциалом. Любое решение должно рассматриваться с точки зрения его цены для человека и общества в целом.

Возрастание роли человеческого фактора стало особенностью инновационной модели развития. И это неудивительно: 2/3 общественного богатства развитых стран – это человеческий капитал. Именно поэтому инвестиции в человеческий капитал должны рассматриваться как ключевой фактор экономической динамики и повышения конкурентоспособности национальных экономик. Это означает, что политическая и социальная сферы перестают быть просто бюджетным бременем, а призваны играть активную роль и обеспечивать дополнительный

³² См.: [Электронный ресурс]. URL: www.bbc.com/2015/11/1511115_floor_Malta_eu_migrants_summit (Дата обращения: 20.11.2015).

потенциал экономического роста и политического участия. Однако параллельно с осознанием своей значимости человеческий потенциал и выразитель его интересов – гражданское общество – претендуют на соответствующее место в обществе, на новое качество жизни. И если ранее для характеристики общества решающим индикатором был ВВП, то есть экономический показатель, то теперь пришло понимание необходимости более объемных параметров оценки качества жизни. Наблюдается смещение акцентов с индивидуального на общественное потребление (безопасность жизни, качественные социальные услуги, окружающая среда и т. д.). Появление в научной литературе терминов, отражающих вызовы времени: социальные инновации, социальная интеграция, социальная экология, социальное качество жизни – свидетельство тому.

С помощью новой социальной политики Евросоюзу предстоит справиться с непростой задачей – способствовать развитию социальной интеграции и довести ее уровень до уровня интеграции экономической. Социальное измерение европейской интеграции всегда отставало от других ее направлений, хотя важность этого аспекта интеграции и тесная связь с экономикой и политикой подчеркивается по всех официальных документах.

Последние два десятилетия были трудными для современного мира. Вокруг внутренней и внешней политики отдельных государств-членов и ЕС в целом не стихают дискуссии и ожесточенные споры. Оценки их стратегий и текущих действий зачастую бывают диаметрально противоположными как со стороны внешних партнеров, так и внутренней оппозиции.

Это вполне объяснимо при наличии разных национальных интересов, различных позиций правящей элиты, неодинакового уровня социально-экономического развития. Сохранить в сегодняшнем нестабильном мире образ Европы как региона, наиболее благоприятного для проживания, обладающего прочной экономической базой и обеспечивающего надежную социальную защиту населения, – жизненно важно для Евросоюза.

Однако последствия кризисов прошлого десятилетия стали путями для социального развития Евросоюза. Результаты политики «жесткой экономии», решение о которой в свое время было принято единогласно, для населения оказались катастрофическими. Социальные права и завоевания, которыми так гордился Запад, были заметно урезаны. Причем было сделано все, чтобы они «не сильно обременяли ни бизнес, ни государственную власть»³³.

В сложной сегодняшней ситуации руководство ЕС вынуждено искать пути, которые позволят не только сохранить свои достижения и плодотворно использовать «*aquis communautaires*», но и активно внедрять инновации, способствующие поступательному развитию европейской интеграции.

Однако столкновение центробежных и центростремительных интересов внутри ЕС, а также половинчатые, а порой и ошибочные меры, предпринимаемые институтами Евросоюза, привели к появлению социальных дисбалансов на многих направлениях и показали неспособность существующих механизмов управления эффективно работать в новых условиях. Различие интересов государств-членов заставляет искать возможности их удовлетворения помимо рамок общеевропейских институтов, например путем двусторонних контактов. По мнению российского политолога Ф. Лукьянова: «Трезво взглянуть в будущее не позволяет погруженность в прошлое. В случае Евросоюза – это упоение прежними успехами, своего рода самогипноз, имеющий целью внушить самим себе убежденность в том, что если европейская интеграция преодолевала периоды застоя в прошлом, то сможет делать это и в будущем. Иными словами, ЕС исходит из ощущения феноменальной успешности интеграционного процесса во второй половине XX столетия, экстраполируя этот успех и на новый век»³⁴.

³³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/o/ad145c96-c10c11-e5-9fdb> (Дата обращения: 12.08.2017).

³⁴ Лукьянов Ф. А. Идеология: базовые ценности, общие цели, консолидация, продвижение демократии // Евроатлантическое пространство безопасности / ИМЭМО РАН. М.: Ленанд, 2011. С. 100.

Тем не менее попытки корректировать свою политику и совершенствовать механизм управления налицо. Признавая цементирующим фактором европейские цивилизационные ценности и соблюдение сформулированных при создании Сообщества правил (обеспечение мира и социальной стабильности, опора на эффективную экономику, равноправие государств-членов, стратегическая политическая воля), институты Европейского союза работают над исправлением собственных ошибок и внедрением новых форм и моделей развития. Вызовы времени настойчиво проникают в их тактические действия и разработку стратегических направлений.

Поиски путей к социальной интеграции

Европейский союз делает шаги к переходу на стратегическое планирование как в экономической, так и в социальной сфере.

Проблема занятости, не теряющая своей актуальности, привела к появлению в 1990-х гг. Люксембургской стратегии занятости, в рамках которой действуют государства-члены, представляя ежегодные национальные планы и отчеты в руководящие структуры ЕС. Регулярно проводимые социальные форумы подводят итоги и координируют работу национальных структур. Введено управление по сетевому принципу, позволяющему на разных уровнях – от локального до регионального и международного – регулировать рынок труда. Следует, однако, признать, что пока универсального решения проблемы занятости еще не найдено. Более того, появляются всё новые факторы, влияющие на ее обострение. В частности, иммиграционный коллапс с участием миллионов прибывших вряд ли позволит в ближайшие годы исправить положение.

В процессе передачи на наднациональный уровень решения многих проблем проявилась еще одна тенденция, набирающая силу и размах: формирование единых пространств, которые позволяют на обширных территориях создавать общие системы управления, включая в орбиту своей деятельности новых игроков. Существуют ЭВС, «еврозона», институт европейского гражданства, образовательное, информационное, инновационное пространства, пространство свободы, безопасности и правосудия. Более того, по мнению специалистов: «Развитие пространств стало одним из ключевых направлений деятельности ЕС»³⁵.

Так, компьютеризация экономики, появление новых форм труда заставляет задуматься над проблемами уровня занятости, условиях и качестве труда, построения новой системы социальных отношений в обществе, необходимости глубоких реформ в сфере образования, здравоохранения, пересмотра роли НПО на формирующемся пространстве. Особую озабоченность о цене этого процесса для человека и его отношениях с техникой проявляют профсоюзы и другие организации гражданского общества. Европейская конфедерация профсоюзов (ЕКП) опубликовала специальное исследование «Труд в компьютеризированной экономике: преемственность и ломка»³⁶.

При поддержке Брюсселя в августе 2016 г. Европейская сеть Мониторинга региональных рынков труда (EN RLMM) в рамках исследовательского проекта провела конференцию, которая рассмотрела возможные последствия компьютеризации экономики для рабочей силы и социальной структуры общества.

Одновременно институты ЕС не отказываются и от прежних, не раз апробированных приемов и способов решения социальных проблем, внося в них необходимые коррективы.

³⁵ Потёмкина О. Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза // Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ. М.: Гриф и К, 2011. С. 352.

³⁶ Valenduc G., Vendramin P. Le travail dans l'économie digitale: continuités et ruptures. Bruxelles: Institut syndical européen, 2016.

Оцифрованный труд и политика социального партнерства

Опасность для поступательного социального развития проявилась с неожиданной стороны. Помимо сокращения занятой рабочей силы в связи с введением новых компьютерных технологий, под ударом оказались социальные связи, на которые опирались коллективы предприятий и созданные ими НПО, в первую очередь профсоюзы. Раскололась социальная база, питающая социальную и политическую активность трудящихся. Само содержание понятия «труд», его цель и способность воспитывать чувство солидарности и необходимости совместных действий размывается. Индивидуализация труда, даже разобщенность по месту работы, безусловно, требуют выработки новых форм взаимодействия профессиональных и социальных групп. Пока можно наблюдать лишь слабые попытки действий в этом направлении. Они принимаются такими организациями, как Европейские советы по труду (ЕСТ), создаваемые в ТНК, Международная ассоциация социального качества (IASQ), Самоорганизующаяся инициатива граждан Европы. Примером могут служить предложения при оценке труда, наряду с продуктивностью, руководствоваться такими критериями, как его качество, мотивированность, комфортность условий³⁷.

Социальный диалог на всех уровнях, согласно заявлению Европейской комиссии, «является предпосылкой для функционирования европейской социальной рыночной экономики и решающим для поступательного развития конкурентоспособности и ее продуктивности»³⁸.

Институт социального партнерства складывался десятилетиями. Начинался он с нижнего уровня – предприятий. Затем, пройдя через отраслевой, национальный уровень, начал проявлять активность на международном. Государство, бизнес-сообщество и организации гражданского общества формально выступают в его рамках как равноправные партнеры и заявляют о намерении эффективно участвовать в социально-экономическом развитии.

Социальное партнерство, являясь важным инструментом не только регулирования трудовых отношений, но и реализации социальной политики в целом, применяется при решении острых социальных проблем, для рационального использования потенциала активных сил общества и изначально строилось на взаимном противостоянии партнеров. В наше время изменились масштаб и содержание его деятельности.

Социальное партнерство можно определить как форму общественного компромисса для решения общенациональных проблем, все чаще демонстрирующих тенденцию перехода на наднациональный уровень.

Однако процесс такого перехода наталкивается на трудности, связанные с различиями национальных социальных законодательств, стремлением к изоляционизму в наиболее благополучных регионах, амбициозной и порой агрессивной политикой бизнеса. Социальные партнеры, обладая разными политическими и финансовыми возможностями, стараются отстаивать свои интересы или закрепить свое положение. Для достижения такой цели нужен доступ к политической власти. Именно поэтому активные силы стремятся к завоеванию политической власти и к участию во властных структурах, обеспечивая себе поддержку общественного мнения, государственных институтов, распространяя влияние на органы исполнительной власти.

Практика социального партнерства, сложившаяся в ЕС, пользуется поддержкой со стороны его руководящих органов. Соглашения, заключенные на коммунитарном уровне, реализуются по предложению Европейской комиссии и по решению Совета ЕС в соответствии с существующими процедурами и практикой.

³⁷ Social policy in the European Union: state of play 2015. Brussels, 2015. P. 285.

³⁸ [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_Statement-14-1884_fr.htm (Дата обращения: 12.08.2017).

К социальному партнерству следует подходить не только как к способу партнеров защищать свои интересы, но и как к возможности консолидировать усилия, направить их на решение задач, жизненно необходимых обществу для его устойчивого развития. Это направление остается одним из самых перспективных в жизни Евросоюза.

Социальными партнерами, определяющими сегодня эффективность этой политики, являются государство, бизнес-сообщество и гражданское общество. Если первое имеет в своем распоряжении административный ресурс, выполняет функции управления и координации, обеспечивает свою деятельность законодательно, то бизнес и финансовые круги (в первую очередь ТНК) обладают материальными и управленческими возможностями для отстаивания собственных интересов и внедрения инноваций. Их вполне справедливо называют «мотором глобализации». Что касается гражданского общества и его организаций, они выполняют задачу популяризации инновационных идей и максимального использования их в своих интересах. Кроме того, гражданское общество все чаще демонстрирует поддержку тех или иных политических сил на разных этапах их деятельности в зависимости от популярности и убедительности их предвыборных лозунгов.

Социальное партнерство и социальный диалог с участием представителей основных социальных и профессиональных групп общества – важные инструменты разработки и претворения в жизнь общеевропейской социальной политики. Начавшийся процесс соединения социального диалога с политическим открывает новые перспективы.

В XXI в., когда речь идет о социальном партнерстве нового уровня, подразумевается использование новых форм сотрудничества представителей бизнеса и наемных работников, осуществляемое при поддержке государства. Перспектива развития социального партнерства связана со строительством гражданского общества, которое способно влиять на государственную политику.

Деятельность государства имеет стратегическую направленность и рассчитана на обеспечение долгосрочного функционирования при решении проблем как экономического, социального, так и политического порядка. Выступая в качестве одного из социальных партнеров, государство выполняет при этом координирующие и контролирующие функции. Поскольку в его распоряжении находится административный ресурс в виде структур исполнительной власти и соответствующее социальное законодательство, уже оформившееся как самостоятельная часть европейского права, становится понятно, почему роль государства возрастает вопреки стремлениям либералов, а государственное планирование, в том числе и в экономике, становится обычной практикой в ЕС. Борьба между неолиберализмом и неоконсерватизмом, имеющими диаметрально противоположные точки зрения на эту проблему, проявляется наглядно во время предвыборных кампаний на всех уровнях.

Понимая это, Европейский союз создал разветвленный механизм, обладающий полномочиями в социальной сфере³⁹.

Механизм социальной структуры Евросоюза

Важнейшими органами и институтами являются Европейский совет, Совет министров ЕС, Европарламент, Европейская комиссия, Суд ЕС.

Европейский совет – орган высшего политического руководства, который вырабатывает, среди прочего, общие направления и ориентиры развития социальной политики. Совет министров обладает законодательными правами и полномочиями принимать решения. Европейская комиссия наделена правом выступать с законодательными инициативами и осуществлять

³⁹ См. подробнее: *Каргалова М. В., Егорова Е. Н.* Социальное измерение европейской интеграции // МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аксиома, 2010. С. 106–138.

контрольные функции, как бы концентрируя в себе исполнительную власть. Не случайно ее называют «эмбрионом правительства» ЕС. Европарламент участвует в выработке европейских законов посредством процедур сотрудничества и совместного решения проблем. Суду ЕС принадлежит право толкования и контроля над применением норм коммунитарного права.

Самым крупным и влиятельным наднациональным институтом в социальной сфере является Экономический и социальный комитет (ЭСК), в состав которого входят представители различных социальных и профессиональных групп. Этот консультативный орган участвует в подготовке всех документов социальной значимости, представляемых в Европейскую комиссию, Европарламент и Европейский совет.

ЭСК был сформирован на основе Римского договора о ЕЭС 1957 г. Его сегодняшний статус определен ст. 257–262 Договора о ЕС. Он призван в своих рамках обеспечивать представительство различных категорий и групп общества, адекватное их месту в экономической и социальной жизни. Пользуясь своими полномочиями давать рекомендации и заключения, ЭСК ежегодно в среднем представляет по 120 документов. Он информирует другие структуры ЕС (до принятия ими решений) о позициях и точках зрения разных экономических и социальных категорий общества, имеющих представителей в его рамках. Именно поэтому он, несмотря на свой консультативный статус, имеет возможность оказывать воздействие на европейское законодательство и деятельность институтов исполнительной власти и выступать со своими собственными инициативами. Так, инициативное мнение ЭСК послужило основой для подготовки Хартии основных социальных прав трудящихся Сообщества 1989 г. и Хартии основных прав ЕС 2000 г., стратегии «Европа 2020».

Без согласования с Экономическим и социальным комитетом ни Совет, ни Еврокомиссия не принимают соответствующие решения.

Для практического решения задач в социальной области и реализации социальной политики Европейский союз пользуется такими мощными инструментами, как Структурные фонды и Инициативные программы. Они имеют четко проработанную структуру и располагают солидными финансовыми возможностями.

Структурные фонды претерпели целый ряд реформ в связи с развитием интеграционного процесса в Европе и расширением Сообщества. Важнейшая часть реформ складывалась из мер по упорядочению финансовых вопросов и увеличению объема финансирования фондов из бюджета ЕС. Если в 1958–1988 гг. финансовые ресурсы Структурных фондов составили 58,4 млрд экю, то на 2006–2012 гг. было выделено уже более 200 млрд евро. Бюджет Европейского социального фонда (ЕСФ) в 2014–2020 гг. составит 84 млрд евро, на 10 млрд больше, чем в предыдущий семилетний период. В настоящее время расходы на Структурные фонды достигают почти 37 % всех бюджетных расходов ЕС⁴⁰. Структурные фонды создавались в рамках Сообщества в разные периоды, и перед каждым из них ставились специфические задачи. Так потрясшие ЕС кризисы сделали необходимым учреждение Фонда восстановления (Recovery Fond). Одним из первых шагов работы председателя КЕС Ж.-К. Юнкера стало создание в 2014 г. Европейского фонда стратегических инвестиций (Fond europeen pour les investissements strategiques – EFSI). Его финансовый ресурс составил 315 млрд евро. 21 млрд был предназначен для подъема экономики в 2015–2017 гг., 240 млрд – для долгосрочных инвестиций и 75 млрд – для помощи мелким и средним предприятиям⁴¹.

На Инициативные программы выделяется 9 % финансовых ресурсов Европейского союза. Они разрабатываются Комиссией в партнерстве с государствами-членами или профессиональными и общественными объединениями. Акцент при этом делается на решение кон-

⁴⁰ Глобальное управление: возможности и риски // Отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 190.

⁴¹ Bilan social de l'Union Europeenne 2015. Bruxelles: ETUI, 2015. P. 19–20.

кретных задач в той или иной сфере деятельности ЕС и на возможность внесения инноваций в избранную область. Хотя реализация Инициативных программ осуществляется под непосредственным руководством Комиссии, они не всегда носят общезначимый характер и нередко отражают индивидуальные интересы отдельных государств-членов. Особенно если у их представителей есть возможность лоббировать свои интересы в руководящих органах Евросоюза. При использовании Структурных фондов и Инициативных программ институты Сообщества сталкиваются с трудностями, обусловленными несовершенством рабочего механизма. Практическое выделение средств из-за бюрократических процедур регулярно отстает от плана ассигнований. Нецелевые затраты и нарушения стали, по заключению контрольных органов, хроническими. Иногда очевидным становится вмешательство политических интересов и предвзятое отношение к подателям предложений. Особенно это заметно, когда речь идет о представителях гражданского общества, в частности профсоюзах. Инициативная программа Европейской конфедерации профсоюзов (ЕКП), содержащая предложения относительно права пользования питьевой водой населения, открытого доступа к водным ресурсам и службам здравоохранения, работающим в этой сфере, была одобрена КЕС в марте 2015 г.⁴² Затем профсоюзы представили в Комиссию Европейскую гражданскую инициативу, которая затрагивала внешнюю политику Евросоюза⁴³. Речь шла о намерении ЕС заключить Трансатлантическое соглашение о торговле и партнерстве с США (ТТП), переговоры о котором шли с 2013 г. Бизнес-сообщество и руководство Евросоюза поддержали этот план и заявили о намерении подписать его к концу 2015 г. Однако гражданское общество выступило против, полагая, что США пытаются реализовать свой проект трансатлантического рынка, вынуждая ЕС играть по своим правилам, а европейская политика, как и указанный проект, представляет реальную угрозу будущему ЕС, поскольку направлены на то, чтобы «не просто контролировать ЕС, но полностью привязать его к своим торгово-экономическим интересам»⁴⁴. Несмотря на массовые негативные настроения, Еврокомиссия отказалась даже регистрировать представленный документ, что вызвало широкую волну протестов. Более миллиона подписей в поддержку требований ЕКП отозвать мандаты переговорщиков было собрано по всей стране. По призыву исполкома ЕКП в Брюсселе 19 декабря 2015 г. состоялась сорокатысячная демонстрация протеста под лозунгом «STOP ТТП». В результате вышеупомянутое соглашение до сих пор не подписано. Этот факт доказывает намерение гражданского общества активно участвовать в жизни ЕС и влиять на его политику. Однако одновременно это свидетельствует о нежелании официального Брюсселя и европейского бизнеса делиться властью и административными возможностями с широкими слоями населения. Неудивительно, что взаимное недоверие увеличивается, перерастая в кризис.

Каждый из институтов и структур, имеющих отношение к социальному измерению, независим от остальных и обладает особыми компетенциями. Таким образом, социальная политика не сконцентрирована в одном институте и даже не координируется никем единолично, несмотря на наличие в КЕС комиссара по занятости, социальным вопросам и равным возможностям. С одной стороны, это позволяет учитывать различные аспекты и последствия социальных проблем, а с другой – ведет к распылению усилий по их решению.

Сообщество располагает и вспомогательными институтами в области социальной политики. Они заняты узкоспециальными ее аспектами и созданы, в отличие от вышеупомянутых, на основе производного, а не первичного права. Это многочисленные агентства, комитеты, центры, комиссии, имеющие узкоспециализированную направленность.

⁴² См.: [Электронный ресурс]. URL: https://www.co.nsilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/141749 (Дата обращения: 11.03.2016).

⁴³ Social policy in the European Union: state of play. Brussels: ETUC, 2015. P. 287.

⁴⁴ *Запесоцкий А. С.* Роль ЕС в XXI в. – ловушка геополитики // Современная Европа. 2016. № 2. С. 137.

Новые подходы в реализации общеевропейской социальной политики

Сегодня усилия всех структур Евросоюза нацелены на решение общезначимых социальных проблем. Совместная работа партнеров возможна на основании социального контракта, и на каждого ложится доля ответственности за будущее. Пример корпоративной социальной политики, поставившей вопрос о взаимной социальной ответственности, показывает, что интересы оппонентов: труда и капитала – могут совпадать. Положительным моментом стало усиление внимания к проблеме социальной ответственности бизнес-сообщества. Многие предприниматели начали рассматривать ее не только как возможность регулирования отношений с социальными оппонентами, но и как способ повышения своей деловой репутации. Не случайно в текст заключаемых контрактов все чаще вносится специальная статья, определяющая степень социальной ответственности партнеров. Это касается мелкого и среднего бизнеса и компаний, имеющих статус «европейских».

Некоторые положительные результаты принесла реализация проекта Еврокомиссии от 2006 г. «Европейский альянс в области социальной ответственности бизнеса»⁴⁵. Проект меры, направленные на производственную и коммерческую деятельность, дополнил мерами в сфере экологии и социальной политики, выработанными совместно с организациями гражданского общества. К работе были привлечены предприниматели, неправительственные организации (НПО), профсоюзы, потребители, инвесторы, представители научного сообщества, властей разного уровня.

Позиционируя себя как сетевое объединение, Европейский союз по этому принципу стремится строить систему управления, вплоть до международного уровня, как в случае в «Альянсом». Но для этого нужны взаимосвязь между производственной деятельностью, вопросами морально-психологической и экономической мотивации персонала, достижение взаимного доверия и четко организованный социальный диалог. Каждый из партнеров, приняв на себя новые социальные обязательства, должен осознавать лежащую на него социальную ответственность, проявить готовность к разумным компромиссам. Задача это сложная и вряд ли выполнимая при нынешней ситуации в ЕС.

Попытки руководящих институтов Евросоюза максимально использовать потенциал социальных партнеров для решения стратегических задач в русле новых тенденций развития далеко не всегда оказывались успешными. Так, с помощью научного сообщества попытались разработать и внедрить так называемый Метод открытой координации (МОК). Оформленный в первое десятилетие XXI в., он позиционировался разработчиками как «самый важный из новых механизмов, способных объединить усилия социальных партнеров, представителей органов власти Евросоюза и национальных государств-членов»⁴⁶.

Создатели МОК заявили, что его целью является постановка стратегических задач на политическом, экономическом и социальном полях, определение роли и доли ответственности всех активных сил общества при выполнении этих задач. Однако расплывчатость форм и отсутствие официальных полномочий нового образования не позволили ему соответствовать замыслам создателей. Следует учесть, что попытки внедрения Метода открытой координации происходили на фоне сложной социально-политической ситуации в Евросоюзе. Отчетливо проявились всплески протестных выступлений в разных его частях, неустойчивость межгосударственных отношений и другие дестабилизирующие факторы. Оказалось, что предлагаемое

⁴⁵ Каргалова М. В. Путь Европы к социальной интеграции и новации в социальной сфере ЕС // Большая Европа: идеи, реальность, перспективы / Под ред. А. А. Громыко, В. П. Федорова. М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2014. С. 340–341.

⁴⁶ Herrmann P. Social policy in context. Amsterdam: Rosenberg Publisher, 2009. P. 37.

новшество может нанести реальный ущерб сложившейся социальной структуре. Более того, выяснилось, что МОК может привести к возрастанию роли определенных социальных групп, которые способны присвоить себе излишние компетенции. В частности, речь шла о формировании «нового класса» высших чиновников и функционеров ЕС. Их претензии на передел сфер влияния опираются на близость к законотворческой кухне и возможность иметь «особые» отношения с бизнесом. Бюрократия, процветающая в управленческом аппарате ЕС, и коррупция создали предпосылки для этого. В результате даже инициаторам МОК пришлось признать неудачной попытку использования этой инновации.

Интересной новеллой в области исследований процессов социально-экономического развития и выработки рекомендаций для всех заинтересованных структур является создание Международной ассоциации социального качества (МАСК)⁴⁷.

Международная экспертная группа МАСК начала работу на базе Международного института социальных исследований (резиденция в Гааге). Опираясь на широкое значение термина «социальный», она предложила новый подход к исследованиям и оценке происходящих в мире изменений социального качества жизни. В 2013 г. имело место официальное оформление новой структуры, была принята Декларация социального качества. В октябре 2014 г. в здании парламента в Риме состоялась конференция с участием политиков, парламентариев, ученых, представителей СМИ и организаций гражданского общества. Название ее было весьма затейливо: «Укрепление Европейской социальной модели. Вклад Метода социального качества в обеспечение социальной справедливости, человеческого достоинства и солидарности Европейского союза в меняющемся мире»⁴⁸. На конференции было объявлено об учреждении Европейской обсерватории (Отделения Международной ассоциации социального качества) с резиденцией в Риме. Новая Декларация, обнародованная в 2017 г., выдвинула тезис: «Социальное качество – основополагающий фактор для построения Европы всех граждан» и выступила с призывом не рассматривать людей с политической точки зрения или как «homo economicus», с точки зрения материальных интересов⁴⁹.

Представители Европарламента и КЕС одобрили создание Европейской обсерватории и призвали в сотрудничестве с ведущими университетами Европы «модернизировать оригинальную идею Европейской социальной модели, используя для этого новые подходы и стратегии, научные разработки всех государств-членов». Новое объединение активно взялось за организацию научных исследований, приступило к созданию специализированного журнала.

Перспективы Европейской социальной модели

Пока Европейская социальная модель (ЕСМ), которую называют «социальным стержнем» Европы и образцом для остального мира, сохраняет свою значимость. Принципы, на которых она построена, и цели, которые поставила перед собой, оказались способны послужить отправными точками для инноваций, которых требует XXI в. Окажется ли она достаточно жизнеспособной и деятельной в новых условиях?

На сегодняшний день у государств сузились возможности для проведения по своим схемам социальной политики, а следовательно, сохранения социальной стабильности в обществе. Сказываются и последствия системных кризисов, охвативших Европу в конце первого десятилетия. Груз социальных расходов становится непосильным. Все труднее удержать на прежнем уровне качество жизни широких слоев населения. Теперь без помощи бизнеса социальная

⁴⁷ В настоящее время МАСК объединяет 43 страны, в том числе КНР и Австралию.

⁴⁸ Strengthening the European Social Model. The contribution on the Social Quality Approach to strengthen social justice, human dignity and solidarity of the EU in changing World. Raffare il Modello Sociale Europeo. Il contributo della Qualita Sociale alla coesione du Sistema comunitario Documentazione. Roma, 2014. P. 20–21.

⁴⁹ Post Brexit Declaration on Social Quality. IASQ. 08.03.2017.

сфера, не говоря уже об экономической, не может функционировать. Обладающее властными и законодательными полномочиями государство в определенной степени регулирует деятельность бизнеса, обеспечивая его права и интересы общества в целом. Однако и это является новацией: гражданское общество, участвуя в социально-экономическом развитии, через свои организации претендует на право осуществлять контроль над деятельностью как бизнеса, так и государства.

В настоящее время ЕС еще не может похвастаться отлаженной системой отношений гражданского общества с государством и бизнесом. Не случайно над этой проблемой не первое десятилетие работают руководящие институты Сообщества, создаются блоки политических партий, солидаризируются неправительственные организации, прокладывая путь к новым формам партнерства. Дискуссии по поводу будущего ЕС ведутся в разных странах и на международном уровне. Появляются многочисленные публикации, отражая интерес и разницу подходов к теме.

Совершенствование структуры общества предполагает появление нового типа управления им, которое базируется не на диктате и давлении, а на диалоге и взаимодействии. Необходимым условием является наличие толерантности и готовности к разумным компромиссам у всех участников. Сумеет ли ЕСМ дать ответ на возникающие проблемы? Приходится признать, что до сих пор как в научных, так и в политических кругах разброс мнений относительно ценности Европейской социальной модели и ее перспективности довольно широк. В официальных документах ЕС и в правительственных актах государств-членов зафиксировано признание за ЕСМ решающего стратегического значения для будущего интеграционного процесса. Но все также понимают неизбежность ее реформирования с учетом новых факторов влияния на ситуацию в Евросоюзе и мире. Наличие «евроскептицизма» и национального изоляционизма даже среди экспертов также является фактом.

Для определения «ценности» ЕСМ и ее перспектив на будущее в 2005 г. была создана и активно работает международная экспертная группа (ESM-Project). Плодом ее работы стал развернутый документ, получивший название «Платформа предложений по реформированию Европейской социальной модели»⁵⁰.

Платформа предлагает определение ЕСМ как «комплексной системы ценностей, опыта, проектов, политики, институтов, которые сложились в прошлом и дополняются сегодня».

Действительно, ЕСМ никогда не рассматривалась как застывшая схема. Она постоянно совершенствуется и дополняется, отражая изменения, происходящие в обществе⁵¹. Речь в ней идет не только о комплексе прав, социальной защите и обеспечении трудящихся, но и о положении всех граждан Европы и их семей. Она нацелена на то, чтобы оказывать реальное влияние на социально-экономическое развитие. Более того, последнее десятилетие показало, что ЕСМ таит в себе возможности оказывать влияние на политический сектор: отношение к программам политических партий, к деятельности исполнительной власти, сохранение стабильности в обществе, развитие демократии. Она как бы корректирует дальнейшее течение интеграционного процесса.

В то же время очевидно, что предстоит еще очень серьезная работа по уточнению, дополнению, а также конкретизации путей реформирования Европейской социальной модели и ее претворения в жизнь. Это требует совместных усилий политических, экономических и социальных сил общества. Представляется, что усовершенствованная и получившая поддержку граждан Европы Европейская социальная модель сможет оправдать возлагаемые на нее надежды. Нельзя не согласиться с мнением «The Economist», который, отмечая, что евро-

⁵⁰ European group of research. European Social Model ESM-Project for areform of the ESM. Proposals Platform. Rome, 2007.

⁵¹ См. подробнее: Социальная Европа в XX веке. М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2011. С. 173–238.

пейская интеграция проходит серьезные испытания, считает: «Только если европейцы будут разделять чувство общей цели, то интеграция имеет шансы на будущее»⁵².

Выступая на очередном заседании Комиссии 19.07.2016 Ж.-К. Юнкер назвал европейскую социальную систему «возможно, самым важным признаком особого качества европейских сообществ» и отметил, что ЕСМ «стала фундаментальной составной частью того, что сегодня отстаивает Европа»⁵³.

Наиболее вероятным сценарием будущего ЕС на ближайшие 10–15 лет станет медленный прогресс по пути интеграции. Поступательное движение сдерживается конфликтными отношениями между разнообразными культурами, неоднозначными характеристиками уровня экономического развития регионов, отсутствием сильной системы управления и дальновидных лидеров. Тем не менее интеграционный процесс продолжается, и нет оснований говорить о кризисе европейской идеи. Однако не менее очевидно и то, что для успешного социального развития ЕС необходимо изменить его курс, выработать новый способ взаимодействия внутри европейского сообщества.

⁵² The Economist. 12.06.2015.

⁵³ [Электронный ресурс]. URL: www.freepayinfo.ru/socium/budushee-evropejskoy-socialnoy-modeli.html (Дата обращения 12.08.2017).

Глава 3. Общественное сознание и идеологические сдвиги

Немного теории

Под массовым общественным сознанием обычно понимают совокупность ценностных реакций и подходов, сложившуюся под воздействием исторического опыта и определяющую бытовое и общественное поведение людей.

Особенностью массового общественного сознания является его глубокая структурированность. Составляющие его элементы отличаются друг от друга, в частности, по давности и продолжительности сроков происхождения и утверждения. Самые древние, будучи наиболее устойчивыми, становятся элементами того, что принято определять как национальный характер.

Вместе с тем массовое общественное сознание в полной мере отражает структуру самого общества. Каждая из составляющих его единиц располагает, наряду с общими характеристиками, свойственными данному социуму, своими групповыми интересами и ценностными особенностями. Иногда эти особенности столь велики, что ставят под вопрос само наличие общественного сознания как цельного феномена. Однако в конечном итоге эта цельность демонстрирует свой доминирующий характер.

Принято считать, что массовое общественное сознание обладает высоким уровнем инерционности. Для этого есть достаточно оснований. Происходящие в нем сдвиги идут с задержкой во времени. Затем, утвердившись, они обретают, как правило, высокую степень сопротивляемости внешним воздействиям. Это, разумеется, не означает, что общественное сознание является своего рода инвариантом. Как продукт исторического опыта оно, пусть и с замедлением, но впитывает новую информацию, перерабатывая ее в соответствии со сложившимися канонами. При определенных обстоятельствах, прежде всего глубоких общественно-политических потрясениях, оно может подвергнуться существенной трансформации. Вместе с тем в обычных условиях это сознание активно сопротивляется любым попыткам внешнего вмешательства. Сломать его «через колено» невозможно. Чем сильнее давление, тем мощнее отдача. Игнорировать это – значит обречь на неудачу любые, в том числе разумные планы.

Бытует точка зрения, согласно которой общественное сознание складывается лишь на национальном (страновом) уровне. Однако анализ эмпирического материала побуждает усомниться в абсолютной истинности этого утверждения. При определенных ситуациях, на переломных этапах развития, в отдельных регионах то и дело возникают потрясения, вносящие существенные коррективы в структуры этого сознания, в результате чего у населения обширных территорий, нередко целых континентов, возникают его специфические варианты.

Наш мир со всей очевидностью вступил в новую эпоху потрясений. Отсюда современная динамика общественного сознания.

Осмысливая роль общественного сознания как предпосылки идеологического и политического развития конкретной совокупности граждан, следует иметь в виду и еще одно немаловажное обстоятельство. Будучи структурно крайне сложным феноменом, оно воздействует на совокупность отдельных индивидов и групп опосредованно, своей тончайшей внешней оболочкой, которую обычно именуют общественными настроениями.

Настроения отражают структуру общественного сознания, но не абсолютно и не полностью, поскольку в высшей степени подвержены конъюнктурным воздействиям и быстро меняются, следуя переменам в объективной обстановке. Именно они, прежде всего, и определяют идеологические предпочтения, а также массовое политическое поведение – стержень любого политического процесса, предполагающий совокупность всех форм участия или неучастия

граждан либо в осуществлении власти, либо в противодействии ей, предусматривающий в одних случаях включенность в различные структуры политической системы, а в других – осознанную отстраненность от них, в том числе деятельность в неформальных организациях и в массовых движениях – публичную манифестацию своих взглядов и требований с целью воздействия на общественное мнение и позиции руководящих политических сил. Соответственно, одной из доступных и распространенных форм выявления настроений являются опросы общественного мнения – его вербального проявления.

Сказанное дает представление, почему названная сфера исследований не только теоретически значима, но и служит практическим инструментом оценки и прогнозирования политического развития.

Сдвиги в нынешнем общественном сознании: их причины и динамика

В числе причин неполной адекватности общественных настроений структурам общественного сознания, а следовательно, и обусловленной ею дробности подхода граждан к власти, ее институтам и к действующим в них политическим силам, чаще всего называют усложнившийся характер современного общества, несовершенство сложившихся в нем механизмов власти и возрастающий разрыв между более-менее утвердившимися настроениями и быстрыми (а во многом даже бурными) переменами в условиях существования. Все это, действительно, существенно повышает свойственные общественным настроениям уровень многообразия ориентаций, склонность к отторжению новаций, нервозность, идеологическую ностальгию.

Однако неверно сводить фиксируемые сейчас повсеместные ценностные, общественно-политические и поведенческие перемены к названным, хотя и существенным, причинам. Истоки этих перемен лежат гораздо глубже. Их определяют серьезные сдвиги, происходящие в обществе и непосредственно сказывающиеся на несущих структурах самого общественного сознания.

Наиболее заметный из этих сдвигов можно определить как качественно возросшую мобильность массовых категорий населения и обусловленное ею резкое возрастание значимости национальной проблемы.

Первичная роль в резком повышении уровня массовой мобильности населения со всей очевидностью принадлежит уже реализовавшейся (жесткой) форме глобализации. В ходе ее осуществления были безжалостно разрушены традиционные производственные, поведенческие и культурные основы многих государств, именовавшихся в прошлом странами «третьего мира». При этом не были созданы минимально необходимые щадящие экономические и социальные амортизаторы. И более того: во многих случаях оказались подорванными сложившиеся (или складывающиеся) там государственные институты.

В значительной части этого мира в результате инициированного извне распада традиционных структур, вооруженных конфликтов и активности террористических объединений возникло своего рода «броуновское движение», выбросившее за пределы постоянных мест проживания десятки миллионов обнищавших и отчаявшихся людей. Одни из них хлынули в большие города, осев там, как правило, в трущобах, в условиях, мало пригодных для жизни. Другие примкнули к радикальным террористическим бандформированиям, ухитрившимся, не без помощи извне, подчинить себе немалые территории. Третьи направились в огромных количествах в развитые страны, образуя в них многочисленное инородное, плохо ассимилирующееся и порой откровенно дискриминируемое меньшинство.

У всех трех групп неизбежной реакцией на трагические перемены в жизненном укладе стала возросшая ориентация на национальное или квазинациональное (конфессиональное) самосознание.

В свою очередь, чем многочисленнее становились потоки иммигрантов в славившие сравнительно благополучными страны, тем сильнее становилась негативная реакция на них коренного населения. И ее непосредственным следствием выступало обращение к ставке на национальное самосознание.

Усилению значимости растущего национального самосознания существенно способствуют и другие масштабные общественные сдвиги. Глобализация, как известно, не только разрушает, но и создает. Происходивший на протяжении последних десятилетий сброс экологически неблагоприятной тяжелой промышленности и массового конвейерного производства в бывшие страны «третьего мира» косвенно, но вполне эффективно способствовал их экономическому развитию. Некоторые из них стали (разумеется, не только поэтому) крупными промышленными державами. Это существенно повысило уровень национального самосознания их населения. Страны, славившие прежде отстающими, покинув историческое «гетто», претендуют ныне на новый, более солидный политический статус. Игнорирование этих обстоятельств наиболее развитыми державами, посягающими на доминирование в мире, придает происходящим сдвигам все более активные и устойчивые формы.

В этом же направлении действует стимулируемая глобализацией межгосударственная интеграция, естественно, если с ней обращаются недостаточно аккуратно. Поскольку она предполагает передачу на наднациональный уровень значительной части государственных функций, это вступает в противоречие с национально-государственной ориентацией, все еще свойственной большинству граждан. Чтобы снять это противоречие, необходимы убедительные свидетельства того, что такое действие приносит очевидную пользу. Пока речь идет о компетенциях экономического порядка, искомый результат достигается сравнительно быстро. Иное дело компетенции социального и политического свойства. Их передача воспринимается населением болезненней, поскольку выглядит как существенное ущемление национального суверенитета. Причем польза от такой передачи далеко не всегда очевидна. Неспособность учитывать это обстоятельство может спровоцировать (и уже провоцирует) мощный всплеск национального самосознания.

Интеграция может воздействовать на национальное самосознание и в другом плане. Недостаточно взвешенное делегирование социальных и политических функций государства на наднациональный уровень при определенных условиях способно постепенно размывать национальногосударственную ориентацию граждан. В многонациональных государствах при не полностью отрегулированных отношениях между этническими общинами такое размывание нередко стимулирует региональное этнонациональное самосознание и облегчает постановку вопроса о создании собственной государственности, а следовательно, и всплеск этнонационализма.

Исторические корни национального самосознания

Есть все основания утверждать, что в современном общественном сознании в результате структурных сдвигов вновь стала выходить на передний план такая ценность, как национальное самосознание и, соответственно, национальная ориентация.

У этой ценности есть свои исторические корни. Некоторые из них вполне очевидны.

Во-первых, за столетия существования исторически сложившихся наций в процессе их укоренения сформировались национальные экономические пространства, обеспечивавшие условия, необходимые для развития производства и становления приемлемого уровня жизни. Правда сейчас, под влиянием глобализации, герметичность этих пространств начала размываться. Тем не менее их роль все еще значительна – даже там, где национальные государства вошли в состав более широких объединений.

Во-вторых, в пределах национальных государств исторически сложилось правовое и общественное устройство, значение которого не только сохранилось, но в ряде случаев даже возросло. В качестве примера можно сослаться на роль этого устройства в удовлетворении социальных потребностей граждан. Глобализация торговли, финансов, производства, информатики и т. д., как известно, не сопровождалась глобализацией институтов, способных обеспечить развитие действенных наднациональных социальных инфраструктур и, соответственно, защиту социальных интересов тех, кто в ней нуждается. Эти функции выполняют – и будут выполнять в обозримое время – национально-государственные структуры. Поэтому их сохранение отвечает коренным интересам подавляющего большинства людей.

На базе национальных сообществ возникли и укрепились современные политические режимы. Их основу образуют институты и процедуры. Создание таких институтов и процедур на глобальном уровне даже не просматривается, во всяком случае в обозримое время. Следовательно, заинтересованность в таких институтах и процедурах (а она имеет массовый характер) неразрывно связана с привязанностью к национальным общностям, объединенным на государственной основе.

В-третьих, существование национально-государственного организма длительное время рассматривалось (и рассматривается) как гарантия безопасности от внешних посягательств. Относительность подобной гарантии очевидна. История возникновения и существования нынешних государств была в то же время историей войн – и за сохранение, и за расширение своих территорий. Но, как известно, все познается в сравнении. Чувство безопасности в рамках сильного национального государства было всегда большим, чем в регионах племенной, феодальной и иной раздробленности. И это обстоятельство прочно зафиксировано в исторической памяти народов.

В-четвертых, за многие десятилетия, а то и столетия существования национальных общностей в каждой из них сложилось устойчивое единство ценностных установок, образа жизни, языка и культуры. Разумеется, такое единство не абсолютно. В отдельных национальных общностях сохранились элементы исходной этнической основы, в том числе отчетливое влияние издавна сложившихся поведенческих традиций. Это же можно сказать и о культуре. В многоэтничных государствах, наряду с общенациональным языком, укоренились региональные языки и диалекты. Образ жизни населения во многих уже сложившихся государствах в значительной мере зависит от особенностей сферы проживания, социального статуса и экономического положения в том или ином регионе. И тем не менее, как правило, общие характеристики доминируют над частными.

В-пятых, особенностью устоявшихся наций, прежде всего европейских (не в территориальном, а в культурно-цивилизационном смысле), можно считать то, что, несмотря на этническую специфику, они уже первоначально обладали определенной степенью сходства: в конечном итоге речь шла о том или ином сочетании романских, германских, кельтских или славянских начал и влияний. Важную роль в становлении современных наций (в первую очередь европейских) сыграли духовно-религиозные установки утвердившихся на континенте христианских конфессий. Их влияние на этот процесс было различно. В целом, однако, принадлежность к одной церкви минимизировала препятствия, стоявшие на пути слияния этнических и племенных единиц. Во многих случаях эта принадлежность служит скрепой национально-государственной идентичности поныне.

Немалую роль в сохранении уже существующих наций играет и то, что противоречивость и болезненность глобализации, характерные для ее нынешнего этапа, способствуют не только размыванию границ, маркирующих сферы функционирования национальных конгломератов, но и косвенное их упрочение.

Возросшая взаимозависимость национальных экономик привела, наряду с очевидными плюсами, к усилению нестабильности финансовых систем и промышленного производства.

Особенно остро это сказалось на странах, отставание которых от наиболее развитых в промышленном отношении государств, несмотря на все усилия, осталось прежним, а в отдельных случаях даже возросло. В большинстве из них эти последствия проявились в примитивной и поэтому особо очевидной форме.

Все это в свою очередь породило глубокое недовольство самой глобализацией. Во многих, особенно в пострадавших, странах она стала не без оснований восприниматься не столько как объективно обусловленный процесс, но и как форма внешнего эгоистического насилия. Одной из ведущих форм проявления такого недовольства стала интенсивная ориентация на сложившуюся или даже мнимую нацию как на оплот сопротивления негативным глобализационным процессам.

Национальное самосознание и национализм

Поскольку длительное существование наций, их роль в историческом процессе, возникновение и утверждение национально-государственной ориентации оказали глубокое влияние на общественное сознание народов, формируя всю его толщу, оно не могло не приобрести и своей идеологической ипостаси. Ее формой стало то, что принято именовать национальным самосознанием.

В различных странах, в зависимости от обстоятельств, роль национального самосознания была и остается различной. Иногда оно доминирует, иногда отходит на второй план. При этом, однако, оно повсеместно сохраняет свое значение осознанной позитивной оценки характерных черт и особенностей общности, воспринимаемой как нация – ее прошлого, настоящего и будущего, ее места в сообществе народов. Отсюда и заметная роль национального самосознания в системе многих более частных ценностей, определяющих предпочтения и поведение граждан.

Известно, что национальным самосознанием нередко злоупотребляют. Его то и дело используют как эффективное средство мобилизации масс на те или иные действия, угодные властным структурам. Для этого его обычно подгоняют под пригодную для этого схему.

Приемы, которые используются в данных целях, не очень сложны. Как свидетельствует опыт истории, любая общественная идея отражает не только реальный опыт и интересы общности, которая ее формулирует и выдвигает, но и иллюзии, свойственные массовому сознанию. Уязвимым местом национального самосознания всегда был изначально заложенный в него соблазн, отстаивая интересы, подчеркивая потенции и заслуги своего народа, абсолютизировать эти качества и, соответственно, приписывать ему особую роль, возвышающую его над другими народами. А это, в свою очередь, создает благоприятную почву для злоупотреблений.

Все это, однако, не дает оснований рассматривать национальное самосознание пристрастно, а тем более негативно. Как и любые другие элементы общественного сознания, оно – объективно обусловленная реальность, которая выполняла и выполняет важные позитивные функции, способствуя экономическому и социально-политическому развитию общественных организмов, их ценностной и культурной сплоченности и в конечном итоге выживанию в сложном и противоречивом окружающем мире. Вместе с тем оно гарантирует сохранение многообразия и разноцветья мира, которым все очевиднее угрожают гипертрофированно унификационные процессы.

Эти объективные функции придают национальному самосознанию дополнительную прочность. На протяжении истекших столетий оно не раз терпело поражения в столкновениях с другими глобальными ценностными установками, владевшими умами миллионов людей. Однако, как свидетельствовал последующий ход событий, во всех этих случаях национальное самосознание проиграло лишь отдельные битвы, но не решающие сражения. Менялись обстоятельства, возникали новые реалии, и оно вновь демонстрировало свою значимость, становясь не менее влиятельным, чем прежде.

Но это только одна сторона дела. Есть и другая.

Нередко национальное самосознание отождествляют с национализмом. Такое отождествление представляется неправомерным. Понятие национального самосознания – это, вопреки всем манипуляциям, которые с ним совершают, прежде всего, объективное отражение – на уровне осмысления – существования исторически сложившихся общественных организмов, обладающих устойчивой спецификой и интересами. Национализм же – это паразитирующая на национальном самосознании политическая идеология, отличительной чертой которой является безоговорочная ориентация на заимствованные из прошлого агрессивные формы мышления и поведения.

На политическом уровне национальное самосознание может сочетаться с различными идеологическими системами. При определенных обстоятельствах оно в состоянии адаптировать всю основную совокупность либеральных ценностей. Вполне возможно, вопреки бытующим представлениям, сочетание национального самосознания с системой левых взглядов. Но на практике приходится чаще всего иметь дело со слиянием национальной идеи с крайними формами традиционного правого консерватизма. На этой основе обычно и формируется тот идеологический гибрид, который принято именовать национализмом. Не случайно в политическом лексиконе понятие «национализм» не просто соседствует с понятием «правый радикализм». Чаще всего они вообще воспринимаются как синонимы.

Чтобы убедиться в этом, достаточно освежить в памяти структурные ценности идеологии правого консерватизма.

Главная из них – ориентация на давнее прошлое как на утерянный «золотой век». К этому непосредственно подверстывается подход к человеческой личности как к несовершенному продукту творения, «сосуду греха», нуждающемуся, во имя собственного блага, в твердой, руководящей руке. На это, как на стержень, нанизываются все остальные установки, свойственные консерватизму. Так, из отношения к человеческой личности вытекает преимущественно негативная оценка разума, неприятие абсолютизации его возможностей, его гордыни, «заводящей в тупик человеческое сообщество».

Идеологии правого консерватизма свойственно также решительное отрицание принципа равенства в любых его формах. Эта позиция обосновывается не только тем, что люди различны по своим биологическим и психологическим характеристикам. Она исходит и из того, что несовершенство и греховность человеческой природы делает необходимым вычленение (или целенаправленное формирование) группы людей, способной подняться над обыденностью, приблизиться если не к совершенству, то к более высокому состоянию, а следовательно, призванной взять на себя бремя руководства обычными людьми.

Несовершенство человеческой природы обуславливает, согласно правоконсервативным взглядам, необходимость строго пирамидального построения общественных структур. Оно, в свою очередь, предполагает потребность в лидерах, наделенных особыми полномочиями (в одних случаях идущими от потусторонней силы, в других – от способности выразить потребности общества), а также в системе управленческих, идеологических, религиозных и иных институтов, жестко контролирующих рядовых граждан. Отсюда и такие производные установки, как ориентация на беспрекословное следование утвердившимся в прошлом нормам, правилам поведения и запретам, особое значение, придаваемое исполнительности, дисциплине, порядку.

С этим связана и своеобразная трактовка правыми консерваторами понятия свободы. В отличие от тех, кто рассматривает ее как естественное право любого индивида, они считают свободу достоянием немногих избранных, «аристократии духа». Иным она не только не нужна, но и попросту вредна. Адаптируя изложенные выше подходы, достаточно адресовать их другим народам, выделив свою нацию как избранную, свободную от всевозможных пороков. И тут же формируются главные основы идеологии национализма.

О близости, если не идентичности идеологий национализма и традиционного правого консерватизма свидетельствует и то, что их сближение издавна во многом двустороннее.

Первоначально консерватизм в его определяющей, европейской ипостаси был враждебен национальной идее. Консерваторам было свойственно негативное отношение к формированию национальных государств. Они ориентировались на сохранение или возрождение наднациональных империй, именуя свою позицию универсализмом. Нации рассматривались ими как детище Просвещения, а следовательно, как смертельный враг консерватизма. В XVIII в. борьба между консерватизмом и либерализмом проходила как раз на площадке универсум – нация.

Однако начиная с XIX в. подход к этой проблеме правых консерваторов, выделившихся в особое направление, стал меняться. Некогда поносимое ими национальное самосознание (тогда оно именовалось «национальной идеей») было спешно инкорпорировано в систему ценностей правого консерватизма. В нее было дополнительно внедрено неумеренное восхваление всемогущего национального государства. Тем самым главное различие между национализмом и традиционным консерватизмом оказалось снятым. XX в. полностью подтвердил прочность их союза. Поэтому в XXI в. национализм вошел как неотъемлемая составная часть идеологии правого консерватизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.